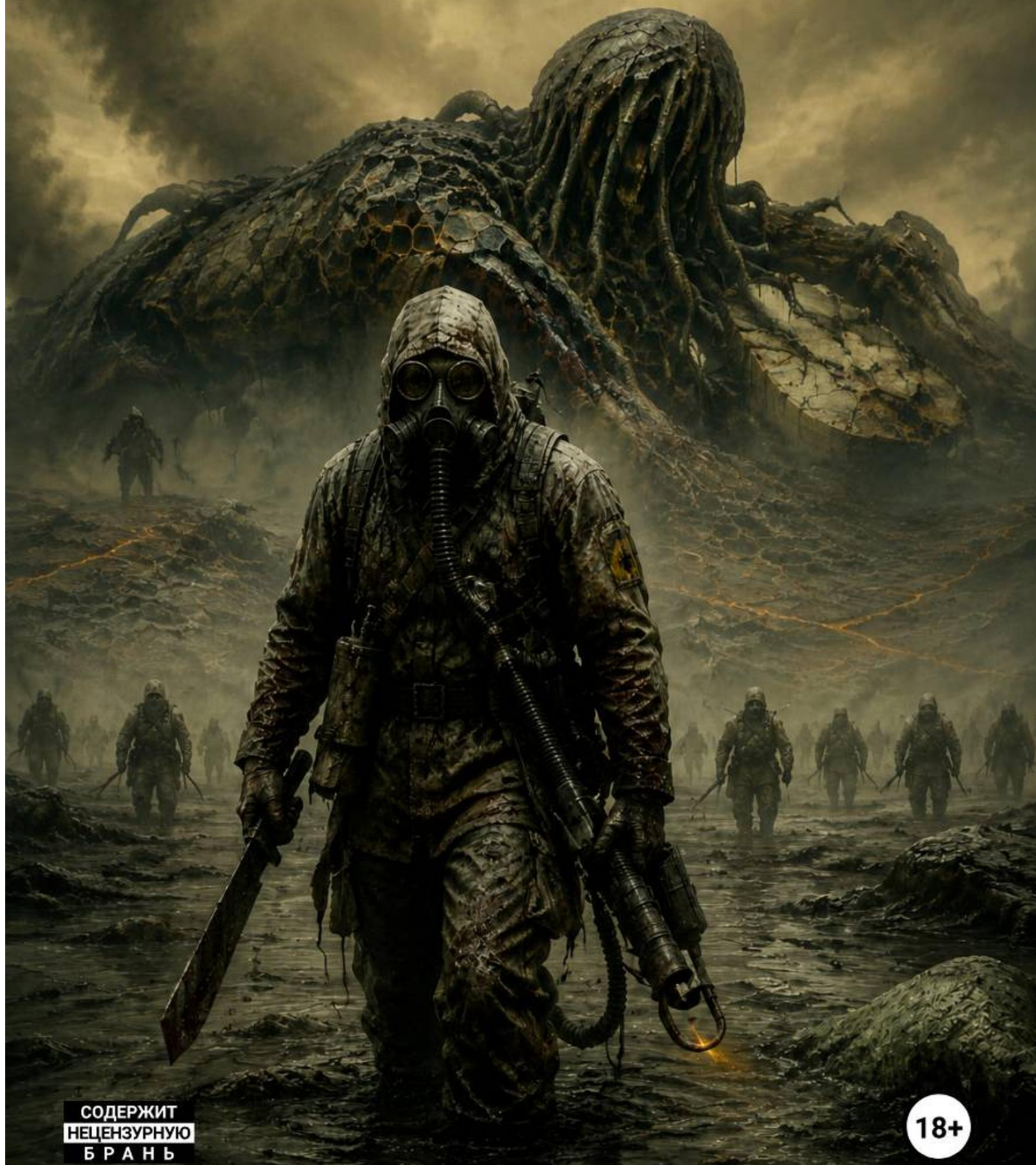


Штрафники мертвого бога



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Григорий Саламадин

Григорий Домрачев

Штрафники мертвого бога

«Автор»

2026

Домрачев Г.

Штрафники мертвого бога / Г. Домрачев — «Автор», 2026

Тысячу лет назад с небес рухнул бог. Он не воскрес и не исчез — его гниющее тело на четверть ушло в землю, а из сот на хитиновой коже сочится желчь, отравляющая всё живое. Восточная Провинция превратилась в Мёртвую Зону, где реальность истончилась, а люди, вдохнувшие испарения, становятся тварями с жёлтыми глазами. Империя Кан пытается сдержать заразу Санитарным Корпусом — штрафными батальонами, куда ссылают вместо казни. Им предстоит война без побед. Выжигать заражённые деревни, зачищать дренажные канавы от божественной слизи и надеяться, что удача окажется чуть быстрее клыков мутанта. Но главный враг не снаружи — он внутри. Потому что дыхание мёртвого бога не только калечит плоть, но и воскрешает самые тёмные уголки души. «Штрафники мёртвого бога» — grimdark-история о войне, где не бывает героев, но каждый должен решить, останется ли он человеком.

© Домрачев Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Приговорённые	5
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Григорий Домрачев

Штрафники мертвого бога

Пролог: Приговорённые

Воздух в зале суда был спёртым и неподвижным. Витали запахи нагретого дерева, сургуча и металла, так пахла имперская бюрократия, которая перемалывала судьбы за закрытыми дверями. Столица империи Кан, город Асцерион, был надёжно укрыт многослойными силовыми куполами, отсекавшими любое дыхание мёртвых земель.

— Именем Империи Кан и Властью Императора, — голос судьи ритмично скрипел, словно он зачитывал инвентаризационную ведомость, — Военный трибунал в составе трёх судей, утверждённый Военной Коллегией его Величества, рассмотрел дело номер 614-Г. Всем встать для оглашения приговора.

Присутствующие поднялись. Арис Корво не садился ни на миг во время заседания. Он стоял уже третий час, и всё это время порочили его имя. Слегка опершись на деревянный барьер, он слушал, как всю его службу разбирают под микроскопом, придавая каждому его поступку порочный, искажённый смысл. Лицо Ариса, обезображенное старым шрамом, рассекающим левую бровь и щеку до самой челюсти, напоминало застывшую погребальную маску. Он смотрел на судью и знал: никакие слова не оправдают его в этом суде. Всё уже давно решено, осталось только выслушать вердикт. И ведь не скажешь, что его судят ни за что. Но всё равно гадко.

Судья, высокий старик в мантии цвета запёкшейся крови, поправил очки в тонкой золотой оправе и продолжил, чеканя каждое слово так, будто забивал гвозди в крышку гроба:

— Рассмотрев материалы дела, заслушав показания свидетелей, изучив рапорты командования, Военный трибунал признал подсудимого, бывшего офицера Первого Ударного полка Империи Кан, кавалера Ордена Серебряного Шипа, Ариса Корво, виновным по всем пунктам обвинения.

В зале было тихо, только щёлкали клавиши секретаря, торопливо фиксирующего каждое слово. Арис не шелохнулся. Где-то на галерее для зрителей кто-то недовольно пробубнил, но звук тут же оборвали. Вероятно, стража вывела нарушителя тишины.

— Учитывая тяжесть совершённых преступлений, — судья оторвал взгляд от бумаг, — Военный трибунал мог бы назначить высшую меру наказания. Расстрел. Повешение. Четвертование. В зависимости от того, какой именно способ его Величество сочтёт наиболее уместным для офицера, запятнавшего честь мундира.

Старик сделал паузу, смакуя власть, которую давала ему эта секунда тишины. Арис не доставил ему удовольствия своей реакцией. Просто стоял и смотрел на эту заплесневелую шестерёнку государства.

— Однако, — судья опустил глаза, и в его голосе впервые проскользнула нотка, похожая на усталое разочарование, — Военный трибунал также учитывает прошлые боевые заслуги подсудимого. Кампания на Северном Фронтире. Оборона перевала Грейстоун. Бой у Чертогов Пепла. Все эти действия, совершённые до инцидента, являются неоспоримым доказательством того, что подсудимый когда-то был верным слугой Империи.

Писарь поднял голову, ожидая резолюции.

— Поэтому, — голос судьи зазвучал громче и резче, — Военный трибунал заменяет высшую меру наказания пожизненной службой в Имперском Санитарном Корпусе. Подсудимый лишается воинского звания, наград, знаков отличия, дворянского титула, имущества и самого

имени. Отныне он не Арис Корво, а штрафной санитар номер 614-И. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Привести в исполнение немедленно.

Деревянный молоток судьи ударил по столу, завершив одни мучения и начиная другие. Звук разнёсся под сводами зала, отразился от стен и затерялся в складках тяжёлых бордовых знамён с чёрным солнцем, гербом Империи Кан.

Обвинители по ту сторону барьера молча и равнодушно собирали бумаги. Для всех присутствующих Арис Корво уже перестал существовать. Санитарный корпус. Так называли штрафников, которых бросали в самое пекло, в Восточную Провинцию, туда, где тысячу лет назад рухнуло с небес тело поверженного бога, которого впоследствии прозвали Эр-Акон. Там, где гниение божественной плоти отравляло землю, воду и воздух. Там, где ядовитые испарения проникали в кровь, в кости, в самую душу, заставляя саму землю сочиться гноем и порождать чудовищных мутантов.

Арис всё так же молчал. Только желваки заходили на скулах, перекатываясь тугими узлами под кожей.

Конвоиры, двое сержантов в серых шинелях, оба с одинаково скучающими лицами, выдернули его из деревянного загона. Холодные наручники защёлкнулись, впиваясь в запястья до кости. Сталь была шершавой, с зазубринами, явно пережившая не один десяток приговоров.

— Шевелись, — буркнул один из них, подталкивая Арису прикладом между лопаток. — Не тупи, — вторил ему второй.

Его вывели через боковую дверь в лабиринт узких коридоров, потом в каменный мешок внутреннего двора. Никакого фасада с мраморными колоннами и барельефами. Серый бетон, яркое освещение и вывалившиеся на передышку адвокаты и прокуроры. Во дворе стоял грузовик — тяжёлый, армейский, с высокими брезентовыми бортами грязно-зелёного цвета. Из выхлопной трусы валял чёрный дым, оседая на стенах жирной копотью.

Задний борт с грохотом откинули. Внутри, в полумраке, уже сидели люди. Арис насчитал двадцать одну пару глаз, горящих в темноте загнанным, животным блеском. Воздух в кузове был спёртым и кислым, смесь пота, перегара, рвоты и безнадёги.

— Давай! — Арису ухватили за шиворот и швырнули внутрь.

Он не удержался на ногах, споткнулся о чью-то выставленную конечность и рухнул на грязный деревянный настил кузова, ударившись скулой о чей-то ботинок. В глазах вспыхнули искры боли. Кто-то заржал хриплым, лающим смехом, от которого веяло безумием.

— Смотри-ка, братцы! — прогнусавил сидящий у самой кабины мужик с ввалившимися щеками и выбитыми передними зубами. — В нашем полку прибыло, да ещё и из знатных, видимо! Как плечи расправил, даже падает красиво! Ну, добро пожаловать в «Санитарный экспресс», ваше благородие.

Его сосед, мрачный здоровяк с бычьей шеей и татуировками дезертира на предплечьях, сплюнул коричневую слюну прямо под ноги Арису.

— Простите, Ваше благородие, что не кланяемся, — пробасил он. — Тут теперь все равны.

Арис ничего не ответил. Подтянувшись, он сел у борта, привалившись спиной к пыльному брезенту. Рядом с ним оказался молодой парнишка лет семнадцати, тщедушный, в рваной гражданской одежде. Его трясло, и он беззвучно плакал, размазывая грязь по щекам. Арис взглянул на него, но ничего не сказал. Слова утешения здесь были бесполезны. Да и кто он такой, чтобы кого-то утешать?

Двигатель закашлял, выплюнул облако чёрного дыма, и грузовик дёрнулся. За мутным целлулоидным окошком серые стены гарнизонной тюрьмы сменились приземистыми лачугами трущобных окраин, а затем и вовсе голыми, мёртвыми полями. Они выезжали из города. А вскоре защитный силовой купол, накрывавший Асцерион мерцающим колпаком, остался

позади. Небо сразу изменилось, из серого оно стало каким-то желтоватым, нездоровым. «Серное небо», так его называли обыватели.

То тут, то там Арис слышал шёпот окружающих, которые обсуждали слухи, вившиеся вокруг «Санитарного корпуса». Да радости действительно было мало: борьбу с мутантами лёгкой прогулкой не назовёшь.

Ехали долго. Двадцать часов? Двадцать четыре? В кузове не кормили и почти не давали воды, только пару раз остановились на каком-то пустыре, и конвоиры выводили заключённых по нужде и бросали внутрь пару фляг. Тёплую, вонючую воду, отдающую хлоркой. Люди дрались за неё, как псы. Арис даже не пошевелился. В горле пересохло, но жажда не шла ни в какое сравнение с той сухостью, что он испытывал в пустынях Северного Фронта, когда их батальон трое суток шёл без обоза.

Парнишка рядом с ним перестал плакать и просто сидел, глядя в одну точку. Беззубый, что смеялся над Арисом, часа через два затих и только изредка вздрагивал во сне. Здоровяк с клеймом дезертира угрюмо молчал, ни на кого не глядя, лишь периодически закашливаясь. Остальные тоже погрузились в свои мысли. Арис наблюдал за ними. Привычка офицера оценивать личный состав не исчезла вместе с погонами. Опущенные головы, дёрганные движения, затравленные взгляды. Сломаны. Почти все. Из двадцати одного человека, сидящих в этом кузове, в бою можно было бы положиться, может быть, на троих. Да и то с оговорками. Санитарный корпус собирал под свои ряды всё отребье, что порождала великая Империя Кан.

Грузовик качнуло на ухабе, и здоровяк выругался сквозь зубы. Арис бросил взгляд в окошко. Местность изменилась. Поля кончились, началась чахлая, большая растительность. Низкорослый кустарник с чёрными, будто обугленными листьями, кривые деревья с голыми ветвями, похожими на скрюченные пальцы. И запах. Даже сквозь брезентовые борта пробивался запах, сладковатый, приторный, напоминающий гниющие лилии, но с какой-то химической, острой нотой. Так пахнет разложение вперемешку с дезинфекцией.

— Скоро приедем, — пробормотал кто-то в глубине кузова. — Вон уже, видать, туман этот... божий...

Арис посмотрел вперёд. На горизонте земля действительно тонула в слабой, желтоватой дымке, похожей на испарения над гигантской выгребной ямой. Это был смог от разложения. Дыхание Мёртвого Бога, как называли его солдаты. Оно простиралось на сотни километров вокруг того места, где гнил Эр-Акон.

Ещё через полчаса грузовик замедлил ход перед контрольно-пропускным пунктом. Послышались голоса конвоиров, скрип ворот, лязг металла. Затем двигатель снова взревел, машина проехала ещё немного и остановилась окончательно. Задний борт с грохотом упал. Внутри ворвался поток холодного, колючего ветра, принесший полную меру того самого запаха: тошнотворного, сладкого, проникающего в ноздри, в горло, в лёгкие. Сразу захотелось кашлять.

— Выгружаемся! — гаркнул сержант снаружи. — Живо, отребье! Бегом, пока я вам лично ноги не переломал для ускорения!

Арис, прищурившись от рези в глазах, выпрыгнул из кузова на утопанный, каменистый плац. Ноги затекли, и он едва не упал, но удержался, выпрямившись во весь рост.

Лагерь представлял собой мрачную геометрию из колючей проволоки, заострённых брёвен и вышек. По периметру тянулся высокий частокол, усиленный стальными листами и бетонными блоками. Поверх всего этого мерцало едва заметное силовое поле, экранирующий купол, такой же, как в городах, только меньше и слабее. Он пульсировал бледно-голубым светом, и когда ветер нёс на него облака жёлтой дымки, сияние на мгновение усиливалось, защищая лагерь от проникновения эманаций. На вышках, по углам периметра, стояли часовые с длинноствольными винтовками, оснащёнными оптическими прицелами. Они смотрели не столько

наружу, в сторону ядовитых пустошей, сколько внутрь на плац, на новоприбывших, на каждого, кто мог подумать о побеге.

Из новобранцев срывали цепи и, подгоняя криками и дубинками, гнали к центру плаца. Там, перед деревянным помостом, стояла группа людей в военной форме. Офицеры.

Осуждённых построили в неровную, шатающуюся шеренгу. Тех, кто не мог стоять, ударом сапога заставляли хотя бы встать на колени, но держать строй. Арис, по армейской привычке, встал по стойке «смирно»: грудь вперёд, плечи расправлены, руки по швам. Это требовало от него заметных усилий — трибунал, заключение, голод и многочасовая тряска в грузовике истощили даже его выносливость. Но он заставил себя. Это было единственное, что он сейчас мог контролировать.

Перед строем прохаживался офицер. Он был без защитного костюма, что сразу выделяло его среди прочих солдат лагеря, носивших плотные комбинезоны с высокими воротниками. Невысокий, жилистый, поджарый зверь, привыкший охотиться и выходить из драки победителем. Его лицо, обветренное и морщинистое, было изъедено глубокими, чёрными порами, следами долгого, многолетнего контакта с испарениями зачумленных земель. Такие следы не выводились ничем, они въедались в кожу, в лёгкие, в кровь. Полковник. На правом плече, знак различия, нашивка Шестого Санитарного батальона: скрещённые совковая лопата и огнемёт на фоне черепа. На поясе длинный, тяжёлый тесак для разделки мутировавшей плоти.

Но самое жуткое в его облике были глаза. Зрачки полковника были странно расширены, неестественно, словно он смотрел на мир через какую-то химическую пелену, а в уголках глаз скопилась желтоватая, маслянистая слизь, которую он время от времени смахивал тыльной стороной ладони. «Божья слеза». Профессиональная болезнь ветеранов Санитарного Корпуса. Поговаривали, что она неизлечима и медленно сводит человека с ума, даря ему перед этим странные, пророческие видения.

В руке полковник сжимал стек, гибкий кожаный хлыст с металлическим набалдашником. Он мерно постукивал им по голенищу своего сапога, прохаживаясь вдоль шеренги. Он осматривал новоприбывших с откровенной, ничем не прикрытой брезгливостью, словно перед ним стояли не люди, а мешки с гнилым мясом, и его задача понять, сколько каждый из них протянет до того, как его придётся списать в утиль.

— Слушай мою команду, отребье, — заговорил полковник. Голос у него оказался неожиданно спокойным, почти ласковым. И это спокойствие напугало Ариса гораздо больше, чем любой крик. — Меня зовут полковник Деклан, и здесь я вам и бог, и судья, и главный могильщик. Если вы думаете, что попали в ад, то вы ошибаетесь. Ад, это там, за воротами, — он махнул стеком в сторону востока, откуда тянуло сладкой гнилью, — где гниёт Мёртвый Бог. А здесь у вас пока курорт. Тренировочный лагерь. Санаторий. Последняя возможность хоть как-то подготовиться к тому, что вас ждёт.

Полковник прошёлся вдоль шеренги, задерживая взгляд на лицах. Остановился напротив того самого парнишки, что плакал в грузовике. Парень задрожал, как осиновый лист на ветру. Деклан несколько секунд молча разглядывал его, затем легонько, почти игриво хлопнул его стеком по плечу и двинулся дальше. Парнишка обмяк, едва не рухнув без сознания от пережитого страха.

Полковник остановился напротив Ариса. Его расширенные зрачки скользнули по лицу новобранца, остановились на шраме, затем на выправке. Он отметил, как этот заключённый стоит, как держит плечи, как смотрит прямо перед собой, а не в грязь под ногами.

— Снова благородный, — еле слышно проговорил Деклан себе под нос, но Арис услышал. — Ну-ну. Посмотрим, насколько тебя хватит. Надеюсь, ты не из штабных кукол.

Полковник отступил на пару шагов назад, чтобы видеть всю шеренгу целиком, и заговорил громче, чеканя каждое слово, чтобы они впечатывались в мозги рекрутов, как клеймо:

— Ваше прошлое мертво. Я хочу, чтобы вы это хорошенько запомнили, потому что повторять я не буду. Мне плевать, кем вы были там, за пределами этого лагеря. Вор, убийца, насильник, дезертир, государственный изменник, аристократ-неудачник или офицер элитного полка — всё это сгнило и умерло в ту самую секунду, когда за вами захлопнулись ворота этого лагеря. Ваши регалии, ваши звания, ваши фамильные гербы и боевые ордена здесь не стоят даже плевка уборной крысы.

Он резко взмахнул стеком, указывая на грязь под ногами новобранцев.

— Теперь вы бойцы Шестого Имперского Санитарного Батальона. Доблестные санитары Его Величества! — его тонкие губы растянулись в жуткой, волчьей усмешке, обнажив серые, прокуренные зубы. — Звучит гордо, не правда ли? Лопата и огнемёт, господа, вот ваша новая геральдика. Вот ваши новые регалии. И поверьте, теперь вы принесёте куда больше пользы императору и стране, чем все ваши потуги из прошлой жизни.

По строю пронёсся тихий ропот. Кто-то всхлипнул, кто-то выдохнул сквозь зубы грязное ругательство. Ропот тут же захлебнулся под ледяным взглядом полковника Деклана. Стек свистнул в воздухе, и металлический набалдашник врезался в плечо того самого беззубого, что смеялся в грузовике. Беззубый вскрикнул и повалился на колени.

— Я не разрешал вам открывать пасть! — рявкнул Деклан с такой яростью, что, казалось, даже защитный купол над вышками мигнул. — Вы никто! Вы пустое место! Вы даже не рекруты пока что! Вы биомасса, которой Империя дала шанс доказать свою полезность! И вы будете доказывать её молча, быстро и без комментариев! Понятно?! Отвечать!

— Так точно! — нестройным, испуганным хором ответила шеренга.

Полковник поморщился, словно от зубной боли.

— Хреново. Будем работать. Итак, слушайте дальше, мясо. В ближайшие две недели вы пройдёте курс обучения. Забудьте всё, чему вас учили в армии или где-либо ещё, — здесь другие правила. Парадный шаг и умение честь отдавать вам не пригодятся. А вот умение отличить мутанта от обывателя и правильно развести кислоту для выжигания колоний некро-спор, вот что будет отделять вашу шкуру от ближайшего знакомства с «желчью» Эр-Акона. И поверьте, это знакомство вам не понравится. Я видел, как люди растворялись заживо, потому что у них была плохо подогнана прокладка на костюме. Я видел, как целые отделения разрывал на клочки один невинный. И по истечении этих двух недель те из вас, кто выживет, отправятся служить на благо Империи.

Он вновь прошёлся вдоль строя, теперь быстрее, и его голос зазвучал как строевая песня, ритмично, жёстко, въедливо:

— Вы будете зачищать дренажные канавы от божественной слизи. Вы будете сжигать трупы, десятки, сотни, тысячи трупов. Вы будете поливать кислотой кладки некро-гадов и выжигать заразу в опустевших деревнях. Вы будете ходить туда, куда боятся заходить даже регулярные войска, потому что регулярные войска ещё нужны Империи для других дел, а вы — расходный материал. Вы станете щитом между миром живых людей и разлагающейся бездной, имя которой Эр-Акон. И если вы справитесь, если вы докажете свою полезность, если ваши кишки не растают, а ваши мозги не превратятся в кашу от испарений, тогда, возможно, только возможно, вам вернут ваши имена, а может даже и жизнь.

Полковник остановился прямо перед парнишкой, который всё-таки смог подняться с колен и теперь смотрел перед собой расширенными от ужаса глазами. Деклан смотрел на него секунду, две, три, а затем ухмыльнулся и добавил уже спокойнее, но от этого спокойствия веяло могильным холодом:

— Добро пожаловать в Санитарный Корпус, санитар. Твоя предыдущая жизнь кончилась. Новая начнётся завтра в четыре утра.

Он отвернулся и зашагал прочь, бросив через плечо:

— Разводящим! Выдать этому стаду форму одежды, накормить и разместить в чистом блоке. Покажите им казарму, койки и отхожее место. Завтра с рассветом начинаем создавать из вас настоящих воинов. И помните своё первое правило службы, новобранцы.

Он на секунду остановился у края плаца, обернулся и добавил громко:

— Если кто-то из вас свихнётся во время обучения, просто сдохните молча. Не нужно тратить патроны. Патроны здесь нужны для более опасных тварей. Экономьте. Ресурсы. Бинты. Всё экономьте.

Строй молчал. Люди смотрели в землю, смотрели друг на друга, но никто не решался заговорить. Ветер, прорывавшийся сквозь защитный купол, донёс откуда-то с востока тихий, вибрирующий гул, похожий на стон раненого кита где-то в глубине океана. Шум шёл от трупа Мёртвого Бога, покоившегося в десятках миль отсюда. Миазмы от него поднимались над пустошами, смешивались с тучами и оседали на землю ядовитой росой. Даже здесь, под защитой купола, люди невольно поёживались, слыша этот звук.

Арис ощутил, как по спине, между лопаток, пробежал холодок. Не от страха, а от странного, давно забытого чувства. Так, бывало, на войне перед боем, когда ты ещё не видишь врага, но уже знаешь он там, впереди, и он больше, сильнее и страшнее всего, с чем ты сталкивался раньше.

К ним подошли разводящие, сержанты в серых робах, и погнали новых санитаров в казарму.

Казарма оказалась длинным, приземистым баракком, бетонной коробкой, пахнущей всё тем же сладковатым запахом. Вдоль стен тянулись два ряда шконок в два яруса. Матрасы повидавшие не одно поколение, и тонкие одеяла. У каждой койки металлический шкафчик, облупленный, маленький, пустой. Окон не было, только узкие вентиляционные щели под самым потолком, забранные частой решёткой.

— Выбирайте койки и заправляйте постели! — скомандовал разводящий. — Потом в столовую. А потом отбой. И никаких разговоров после отбоя, иначе будете отжиматься.

Арис пошёл вдоль ряда кроватей, высматривая место. Большинство новобранцев уже расползлись, занимая углы. Инстинктивная привычка забиваться в норы. Он выбрал койку в середине барака, не у стены, не в углу, а там, где было просторнее и откуда он мог видеть весь проход. Офицерская привычка контролировать пространство. Положил на матрас узелок с выданной ему формой и грубыми ботинками, пересчитал скудное имущество. Всё пахло хлоркой и карболкой, стандартная санитарная обработка. Справа от него расположился тот самый парнишка. Он уже не плакал, просто сидел, обхватив колени руками, и смотрел перед собой невидящим взглядом. Слева ещё одно пустое место.

Арис сел на койку и посмотрел на свои руки. Они были покрыты мозолями от многолетнего фехтования, старыми шрамами и свежими ссадинами от наручников. Руки солдата. Теперь руки санитаря.

Завтра в четыре утра начнётся новая жизнь. Но он не знал, готов ли к ней. Может быть, эта будет лучше старой. Лопата и огнёмёт. Что ж, это тоже оружие. А он всё ещё был солдатом, хоть и бывшим. И пока он жив, он будет исполнять свой долг. У него всё ещё есть шанс. Не на свободу, нет. На искупление.

Глава 1

Сирена прозвучала ровно в четыре утра. Сержанты уже стояли в проходе, и первые же замешкавшиеся получили дубинками по рёбрам.

— Подъём, отребье! Десять минут на сбор и умывание! Кто не успеет — будет бегать до кровавого поноса!

Арис открыл глаза мгновенно, без переходного состояния между сном и бодрствованием. Тело ныло после вчерашнего, но он заставил себя сесть, свесить ноги с шконки, нащупать грубые ботинки. Справа от него парнишка, которого Арис про себя окрестил «Дворняжкой», судорожно натягивал форму, путаясь в рукавах. Слева уже поднялся жилистый мужик с седым ёжиком волос и морщинистым лицом, на котором читался немалый жизненный опыт.

Умывальная комната оказалась длинным бетонным коридором с рядом кранов, из которых хлестала ледяная, папахивающая хлоркой вода. Никаких зеркал, никаких перегородок. Люди толкались, спешили, матерясь сквозь зубы. Арис ополоснул лицо, растёр шею, сгоняя остатки сна. Холод помог. Рядом с ним оказался давешний беззубый — тот самый, что насмеялся в грузовике. Сейчас он выглядел куда более потрёпанным, но в глазах его уже не было вчерашней истеричной злобы, а скорее мрачное, приправленное цинизмом любопытство. Его ввалившиеся щёки всё ещё придавали ему сходство с покойником, но теперь во рту у него что-то поблёскивало. Арис заметил это краем глаза, но не придавал значения.

Зарядка проходила на плацу, всё под тем же мерцающим силовым куполом, за которым небо постепенно наливалось грязно-жёлтым рассветом. Сержанты гоняли новобранцев без жалости — бег, отжимания, приседания, снова бег. Тех, кто падал, поднимали пинками. Тех, кто не мог подняться, оттаскивали в сторону. Арис выполнял упражнения ровно, размеренно, экономя силы. Здоровяк с клеймом дезертира на предплечьях, которого Арис запомнил ещё по грузовику, пыхтел, обливался потом, но не сдавался, упрямо налегая на отжимания, будто хотел сдвинуть планету с орбиты. Парнишка-Дворняга старался из последних сил, и было видно, что каждая минута даётся ему через боль.

Через час адской гонки их погнали в столовую.

Столовая представляла собой такой же длинный барак, как и казарма, но с рядом длинных деревянных столов и скамей. Воздух здесь пах варёной крупой, жиром и всё той же карболкой, которой, казалось, было пропитано всё в лагере. Раздача находилась в дальнем конце, и новобранцы, получив подносы, занимали места.

Арис сел за стол, машинально оценивая пространство — спиной к стене, лицом ко входу. Рядом устроился седой мужичок, напротив — здоровяк Арч и парнишка. Через минуту к ним присоединился и беззубый, грохнув подносом о стол так, что баланда едва не выплеснулась через край.

— Ну и дела, — прогнусавил он, хватая ложку. — Зырьте, что дают.

У всех на подносе было неожиданно много еды. Миска густой, наваристой каши с кусками мяса — не жилами и хрящами, а настоящего, волокнистого, хоть и явно не первой свежести. Хлеб, отварное яйцо, кружка горячего, сладкого чая. И даже кусок какого-то сала, бледно-розового, с прожилками.

Беззубый зачерпнул кашу, отправил в рот и вдруг застыл с выражением крайнего изумления на лице.

— Вкусно. Я после вчерашнего думал, нас помоями будут кормить.

— Слышь, Мик, а передние зубы у тебя откуда? — пробасил Арч.

— Да меня вчера отвели в лазарет, уложили, поковырялись — и вот!

Он широко оскалился, демонстрируя окружающим ровный ряд сероватых, но крепких на вид зубов, которые явно были делом рук имперских дантистов, а не природы.

— Натуральные! Ну, почти! — он заржал хриплым, лающим смехом. — Лежишь такой, думаешь — может, на органы пустят, а они тебе челюсть новую ставят! Ну, теперь я не Безубый Мик, а Зубастый Мик!

— Зная тебя, скоро их не будет, — буркнул здоровяк. — Быстро выбьют. Ты б лучше про печень спросил — может, тебе и печень заодно заменили, а то ей давно пора на покой.

— И печень проверят, — спокойно произнёс Арис, не отрываясь от еды. — И лёгкие. И сердце. И всё остальное.

Мик перестал жевать и уставился на него.

— Ты это к чему, благородный?

Арис поднял взгляд от миски.

— К тому, что хорошо кормят нас не по доброте душевной, — сказал он ровным, лишённым эмоций голосом. — Полуживыми мы свои задачи не выполним. Задохнёмся на первом километре в зоне. Падём от истощения раньше, чем встретим первого мутанта. Империи нужны не доходяги. Империи нужны солдаты, которые протянут достаточно долго, чтобы успеть сделать свою работу.

Он отрезал ещё кусок сала и отправил его в рот.

— Нас будут хорошо кормить, хорошо лечить и хорошо гонять, — продолжил Арис, прожевав. — Чем больше у собаки мышц, тем сильнее она кусает.

За столом повисло молчание. Мик смотрел на Ариса, забыв про кашу. Арч нахмурился, но ничего не сказал. Парнишка, чьё имя Арис ещё не знал, побледнел.

Седой мужичок, сидевший рядом с Арисом, отложил ложку и вытер губы тыльной стороной ладони. Его лицо, покрытое сеткой мелких морщин, напоминало старую, потрёпанную карту местности, где каждая линия что-то означала.

— А ведь верно говорит, — произнёс он негромко. — И раз уж нас всех собрали в одну кучу и, похоже, намерены бросить в одно пекло, может, хоть познакомимся?

Он обвёл взглядом сидящих за столом. Несколько человек за соседними местами тоже прислушались, повернув головы.

— А то ведь как выходит, — продолжил седой, — подохнем — и даже не будем знать, кого как звали. Не по-людски это. Меня, к слову, Дойном кличут.

Он ничего не добавил ни о своей прошлой жизни, ни о своём преступлении.

Повисла пауза. Потом здоровяк с клеймом дезертира тяжело вздохнул и, не поднимая глаз от стола, пробасил:

— Арч.

Мик, всё ещё ощупывая языком новые зубы, осклабился.

— Ну, я тогда тоже представляюсь по-новой. Безубый Мик. Теперь уже бывший Безубый, но кличка уже прилипла.

Он обвёл взглядом остальных и ткнул ложкой в сторону парнишки.

— А ты чё молчишь, мелкий?

Парнишка вздрогнул, словно его ударили. Он явно не ожидал, что кто-то обратит на него внимание.

— Я... я... — он запнулся, сглотнул и вдруг выпалил: — Лин. Меня зовут Лин.

— Лин, — повторил Дойн, кивнув. — Хорошее имя. Был у меня один хороший знакомый с таким именем.

Затем начали представляться остальные. Двадцать один человек за столом и рядом с ним по очереди называли свои имена или клички. Арис слушал, запоминал, сопоставлял лица с именами, как привык это делать за годы командования.

Рэт. Рыжий верзила с наколками на костяшках пальцев. Сказал, что проломил череп своему командиру.

Стриж. Тощий, нервный мужик с бегающими глазами. Карманник из столицы.

Барг. Угрюмый мужчина с мощными плечами и седыми висками. Боевой ветеран, оказался не в том месте не в то время.

Тобб. Широкоплечий крестьянин с лицом, изрытым оспой.

Силк. Тихий, похожий на мышь человечек. Шулер, промышлявший на гарнизонных играх.

Клин. Коренастый детина с плоским лицом. Бывший кузнец, убивший в пьяной драке.

Низкий и щуплый — Ларс. Вор-форточник, промышлявший в Асцерионе.

Грот. Низкорослый, но кряжистый мужик с глазами-бусинками.

Близнецы по фамилии Корвус — Вейл и Нейл, поразительно похожие друг на друга, с одинаковыми татуировками на шеях. Осуждены за контрабанду запрещённых артефактов.

Рейн. Высокий, сутулый человек с лицом интеллигента. Бывший лекарь, который слишком увлёкся морфием.

Гурт. Дородный, медлительный мужчина с печальными глазами. Повар, отравивший целую роту несвежей свининой.

Юркий малый с крысиным лицом — Виск, правая рука Стрижа, вместе с ним обчищавший карманы. Флейм. Человек с обожжённой половиной лица. Подрывник.

Молчаливый гигант с кулаками-кувалдами — Торм. Убил троих голыми руками.

Смуглый, жилистый южанин — Кайр. Контрабандист с южных границ.

И наконец, последний — худощавый, но жилистый парень с копной нечёсанных волос — Дюн. Браконьер, пойманный в Имперском Заповеднике.

Когда представление закончилось, Арис понял, что все смотрят на него. Двадцать одна пара глаз — выжидающих, изучающих. Он помедлил секунду, затем коротко произнёс:

— Арис.

— Просто Арис? — прищурился Мик.

— Просто Арис, — подтвердил он и вернулся к еде.

Никто не стал допытываться. Все понимали, что Арис бывший офицер с шрамом через пол-лица. И этого пока было достаточно.

Завтрак продолжался в относительной тишине. Все ели — жадно, быстро, стараясь насытиться впрок. Арис не торопился. Он знал, что спешка в еде до добра не доводит, особенно после голодовки.

Доесть не успели. Дверь столовой распахнулась, и в помещение быстрым, чётким шагом вошёл офицер. Молодой, подтянутый, с гладко выбритым лицом и холодными, как у змеи, глазами. На плечах — знаки различия лейтенанта. На поясе — кобура с пистолетом и потрёпанный временем тесак.

— Внимание! — рявкнул он, и его голос, усиленный акустикой помещения, ударил по ушам. — Меня зовут лейтенант Орн. С этой минуты и до конца вашего обучения я отвечаю за вашу боевую и физическую подготовку. Закончить приём пищи! Построиться в колонну по двое! За мной. Бегом!

Люди повскакивали с мест, роняя ложки, опрокидывая кружки. Сержанты уже подгоняли замешкавшихся привычными тычками и пинками. Арис поднялся без суеты, поставил поднос на стойку для грязной посуды и занял место в строю.

Их вывели из столовой и повели через весь лагерь к приземистому бетонному зданию, над входом в которое висела потускневшая вывеска: «Медицинский корпус. Санитарная обработка и диагностика».

Внутри пахло спиртом, карболкой и ещё чем-то неуловимым, химическим. Стены были покрашены в бледно-зелёный цвет. Под потолком гудели лампы дневного света. Персонал — люди в белых халатах поверх военной формы — двигались быстро, слаженно, без лишних слов.

Новобранцев выстроили в коридоре и по одному заводили в процедурные кабинеты. Очередь двигалась быстро.

Когда подошла очередь Ариса, его втокнули в небольшую комнату, где стояла металлическая кушетка, а рядом с ней — громоздкий аппарат, напоминающий гибрид сканера и орудия пыток. Врач — сухой, желчный старик с пальцами в коричневых пятнах от реактивов — молча кивнул на кушетку.

Арис разделся до пояса и лёг. Врач приложил к его груди, к вискам, к запястьям какие-то датчики на присосках, подключённые к аппарату. Машина загудела, замигала огоньками. По телу пробежала странная, вибрирующая волна, словно кто-то прощупывал его изнутри.

— Шрам на лице — происхождение? — сухо спросил врач, не глядя на него, а уставившись в показания приборов.

— Боевое, — коротко ответил Арис.

— Давность?

— Точно не помню.

Врач хмыкнул, что-то записал в планшет, затем придирчиво осмотрел старые шрамы на теле, ощупал суставы, простучал грудную клетку и наконец кивнул.

— Одевайтесь. Следующий!

Арис вернулся в строй. Остальные проходили через те же процедуры быстрее или медленнее, в зависимости от состояния здоровья. Арч был мрачен — врач долго изучал его лёгкие и что-то записывал в планшет с недовольным видом.

После медицинского осмотра их провели в соседнее помещение, где с них сняли мерки. Армейские портные — угрюмые мужчины в серых халатах — обмеряли каждого с точностью до миллиметра: рост, объём груди, длина рук, размер ноги. Данные записывались в личное дело.

— Для защитных костюмов, — пояснил Барг, наблюдая за процессом. — Химзащита должна сидеть как влитая. Если где-то будет зазор — конец.

Лин побледнел ещё сильнее, хотя, казалось бы, дальше было некуда.

Когда с мерками было покончено, лейтенант Орн снова возник словно из ниоткуда и погнал их дальше. На этот раз они пересекли плац и зашли в ещё одно бетонное здание — учебный корпус. Класс представлял собой просторное помещение с рядами скамей, обращённых к большой карте, занимавшей всю переднюю стену. Карта изображала Восточную Провинцию с зонами поражения.

— Занять места! — скомандовал Орн.

Новобранцы расселись. Арис выбрал место с краю, откуда хорошо просматривался и вход, и вся аудитория разом. Рядом сел Дойн, за ним — Арч. Мик плюхнулся в первый ряд, явно ожидая представления. Лин пристроился с краю, стараясь быть как можно незаметнее.

Ждать пришлось недолго. Дверь отворилась, и в класс стремительным шагом вошла женщина.

Она была невысокой, худощавой, облачённой в офицерскую форму с нашивками капитана. На плече — та же эмблема Шестого Санитарного батальона. Тёмные волосы были стянуты в тугой пучок на затылке. Лицо — острое, с резкими чертами, напоминающее хищную птицу. Глаза — цепкие, холодные, ничего не упускающие. В руке она держала длинную указку.

Она прошла к карте и развернулась к аудитории. Взгляд её скользнул по лицам новобранцев с той же брезгливо-оценивающей цепкостью, что и у полковника Деклана, но без его наигранного артистизма. Эта женщина была просто констатацией факта: перед ней сидит биомасса, и её задача — вбить в эту биомассу минимум знаний, необходимых для выживания.

— Капитан Роз, — произнесла она резким, отрывистым голосом. — Тактическая подготовка, картография и идентификация угроз. Записывать разрешаю. Тетради и ручки в партах. Вопросы задавать разрешаю только в конце занятия. Если кто-то будет спать или шуметь — вылетит из класса и отправится на чистку выгребных ям. Вопросов нет? Вот и отлично.

Она повернулась к карте и взмахнула указкой.

— Перед вами — Восточная Провинция. Точнее, то, что от неё осталось. Общая площадь поражения, вызванного падением и разложением так называемого Мёртвого Бога, который упал преимущественно на страну Эр-Акон, полностью её уничтожив своим телом, в честь чего его и назвали Эр-Аконом, составляет приблизительно триста тысяч квадратных километров.

Она обвела указкой силуэт на рисунке.

— Вопреки расхожим представлениям, это не бесформенная масса. Это антропоморфное тело. То есть — тело, имеющее человеческие очертания. Руки, ноги, голова, торс. Но на этом сходство заканчивается.

Она указала на нижнюю часть рисунка.

— Тело погружено в землю примерно на четверть. Масса Эр-Акона сопоставима с горным хребтом. Грунт вокруг него спрессован до состояния базальта. Глубина погружения — ориентировочно полкилометра. Точных данных нет, потому что замеры вблизи невозможны.

Указка переместилась к голове.

— Голова не является головой в человеческом смысле. Она представляет собой бутон. Лепестки этого бутона — подвижные хитиновые пластины. Внутри бутона расположены многочисленные жабры и щупальца, гомологичные ротовому аппарату. Мы не знаем, предназначались ли они для питания, для вокализации или для чего-то иного.

Она помолчала, давая новобранцам осмыслить услышанное.

— Конечности. Руки человеческие, но диспропорционально короткие для такого тела. Если бы бог стоял, его кисти едва доходили бы до середины торса. Это означает одно из двух: либо взаимодействие не входило в функции этих рук, либо они выполняли вспомогательную роль. Возможно, ритуальную. Возможно — коммуникативную. Исследования не дают ответа.

Указка спустилась к ногам.

— Ноги. Колени вывернуты назад, как у сатира или копытного. Такая анатомия не характерна для гуманоидов, но встречается у некоторых видов земной фауны. Мы предполагаем, что при жизни Эр-Акон передвигался, там где он передвигался, прыжками или иной, нечеловеческой походкой. В пользу этого говорит строение тазобедренного сустава — реконструкторы насчитывают как минимум семь дополнительных сочленений, не имеющих аналогов в природе.

Она перевела указку на всю поверхность тела.

— Покровы. Местами тело покрыто хитином. Но это не панцирь, как у краба или жука. Это структура, напоминающая пчелиные соты. Каждая ячейка — полая. И из этих ячеек сочится жидкость.

Роз повернулась к аудитории. Её лицо было бесстрастным, но голос звучал жёстче обычного.

— Эта жидкость — «желчь», как её называют в Корпусе, — является основным источником заражения. Она вытекает непрерывно. Смешиваясь с грунтовыми водами, она отравляет почву. Высыхая, образует взвесь спор, которые разносятся ветром. Именно так расширяется Мёртвая Зона. Не мгновенно — медленно, год за годом, но неотвратимо.

Она указала на нижнюю часть тела.

— Ноги Эр-Акона покрыты язвами и бубонными волдырями. Некоторые из них достигают нескольких метров в диаметре. Содержимое волдырей — «ихор», более густая и агрессивная субстанция, чем желчь. При заборе проб в умеренной зоне ихор разрушал контейнеры за несколько часов. Его воздействие на живую ткань вызывает мгновенное омертвление.

Указка обвела на карте огромное, закрасненное бледно-жёлтым пятно, по форме напоминающее расплывшуюся кляксу.

— Эта территория располагается на землях пяти государств, — продолжила капитан Роз. — Империя Кан, Республика Торн, Герцогство Вейл, Свободные Баронства и Объединённые Клань Степи. Шестое государство — Королевство Эр-Акон — было уничтожено в момент

падения тела. Его столица, города, деревни, люди — всё оказалось погребено под массой божественной плоти и прекратило существование.

Она ткнула указкой в самый центр жёлтого пятна, где темнело багровое, зловещее ядро.

— Эпицентр. Зона абсолютного поражения. Радиус — примерно сто километров от тела. В этой зоне не может находиться ни одно живое существо. Концентрация ядовитых газов, выделяемых телом бога, несовместима с жизнью. Ядовитые жидкости — «желчь», «ихор» — пропитывают почву на десятки метров вглубь. Мутации в этой зоне настолько агрессивны и нестабильны, что даже некро-гады, порождённые там, живут не дольше нескольких суток, разлагаясь заживо. Любая экспедиция в эту зону — гарантированная смерть.

Она обвела указкой следующее кольцо — более широкое, покрашенное оранжевым.

— Умеренная зона. Или, как её называют на жаргоне, «Ничейная земля». Ширина — в среднем четыреста километров. В этой зоне человек может находиться без полной герметичной экипировки, но длительное пребывание может привести к необратимым мутациям. У тех, кто живёт там годами, меняется кожа, кости, внутренние органы. Они не умирают сразу, но перестают быть людьми в полном смысле этого слова.

Она сделала паузу и обвела взглядом аудиторию.

— В Ничейной земле, по данным нашей разведки, существует четырнадцать крупных городов и около сотни городков, посёлков и укреплённых сёл. Их населяют беглые преступники, дезертиры всех пяти армий, охотники за добычей, безумные сектанты, поклоняющиеся Эр-Акону как божеству смерти, и многие другие. Они не настроены однозначно враждебно к Санитарному Корпусу, но могут представлять не меньшую опасность, чем мутанты.

— Почему? — не удержался кто-то из заднего ряда. Капитан Роз метнула в ту сторону ледяной взгляд.

— Потому что мутант нападает открыто, — ответила она. — А человек, живущий в Ничейной земле, может улыбаться тебе в лицо и одновременно сыпать яд в твой котелок. Он может знать брод через трясину и завести твой отряд к архи-падальщику. Он руководствуется логикой, а логика выживания в этих землях не имеет ничего общего с нормальной человеческой моралью.

Она снова повернулась к карте и указала на последнее, самое внешнее кольцо, покрашенное бледно-серым.

— Зона зачистки. Ширина — двести километров. Эта зона находится под прямым ведомством Санитарного Корпуса всех приграничных государств. Наша задача здесь — не дать заразе распространиться дальше. Мы уничтожаем споры, которые ветер выносит из Умеренной зоны. Мы отслеживаем и ликвидируем крупные стаи мутантов, которые мигрируют к границам. Мы выжигаем кладки некро-гадов, осушаем ядовитые болота, обеззараживаем зачумлённые участки. В общем, всеми доступными силами не даём заразе продвинуться ни на шаг к обитаемым землям.

Она опустила указку и прошла вдоль карты.

— Важный момент, который вы должны усвоить с первого раза. В Зоне зачистки Санитарные Корпусы разных империй не враждуют друг с другом. Политические разногласия, войны, территориальные споры — всё это остаётся за пределами Зоны. Здесь у нас один враг. И он не носит форму.

Капитан Роз вернулась к центру карты и продолжила:

— Санитарный Корпус работает мобильными группами. Каждая группа — от трёх до двадцати человек — выполняет свою конкретную задачу. Патрулирование, разведка, зачистка, эвакуация. При необходимости группа может запросить поддержку Гвардейского Корпуса Санитарных Стражей.

Она постучала указкой по схематичному изображению бронемшины в углу карты.

— Это тяжёлая техника на гусеничном ходу, оснащённая огнёмётами, химическими орудиями и усиленным экранированием. Стражи выезжают только для устранения особо крупных целей — гнездовых архи-падальщиков, маток некро-гадов, миграционных волн. Просто так вызвать их и кататься на бронемашине нельзя.

— А почему? — снова тот же голос из заднего ряда. На этот раз капитан Роз не стала наказывать вопросом. Вместо этого она холодно улыбнулась.

— По трём причинам. Первая: рельеф местности. Вы думаете, в Зоне зачистки ровные дороги? Там трясины, воронки, разломы и завалы. Бронемашина тяжёлая и уязвимая на сложном рельефе. Вторая: логистика. Горючее, боеприпасы, запчасти — всё это нужно доставлять из тыла, а каждый конвой в Зону — это риск. И третья, самая главная: без предварительной разведки выезд бронемашины — это гарантированные потери. Если вы не разведали местность, не знаете, где ловушки, где гнёзда, где пути отхода, бронемашина станет не оружием, а братской могилой для экипажа.

— Авиация в зоне недоступна из-за спор и жёлтого смога.

Она сделала паузу, обвела взглядом притихших новобранцев.

— Касаемо тех конкретных монстров, которых вы встретите в Зоне, — лекция об этом будет завтра. А сейчас — всё. Встать. Построиться.

Новобранцы поднялись со скамей. Арис отметил про себя, что капитан Роз не сказала ни слова лишнего, но и не пыталась их запугивать. Она просто констатировала факты — сухо, чётко, профессионально. Такой офицер вызывал уважение.

После обеда их снова вывели на плац, где началась физическая подготовка. И вот тут уже пошла настоящая мясорубка.

Лейтенант Орн гонял их без остановки. Бег с полной выкладкой — мешки с песком, заменяющие снаряжение. Полоса препятствий — стены, рвы, колючая проволока, подвесные брёвна. Отжимания до отказа. Снова бег. Занятия с тесаком — тяжёлым, учебным, с затупленным лезвием, которое, однако, при ударе оставляло синяки размером с кулак. Бойцы отрабатывали базовые связки до тех пор, пока руки не начинали дрожать от усталости. Затем стрельба из оружия по мишеням — те, кто мазал, отжимались ещё. Приёмы штыкового боя — колоть чучело, пока пот не заливал глаза. И снова бег. И снова препятствия. И снова тесак.

Ни секунды не было, чтобы передохнуть или поговорить. Если кто-то замедлялся, Орн оказывался рядом и рывкал в самое ухо. Если кто-то падал — его поднимали и гнали дальше. Арис выкладывался, но экономно, размеренно, не позволяя себе ни паники, ни спешки. Арч пыхтел как паровоз, но держался. Барг двигался с хитрецей, пропуская самые изматывающие участки там, где Орн не видел, и налегая там, где внимание лейтенанта было приковано к нему. Мик то и дело сыпал ругательствами, но упрямо лез вперёд. Близнецы Вейл и Нейл работали в паре, помогая друг другу. Лин отставал, получал тычки, но всё равно поднимался и бежал дальше, и в его глазах уже не было вчерашнего обречённого ужаса — только загнанная, отчаянная злость.

К вечеру они едва стояли на ногах. Когда прозвучал сигнал на ужин, колонна направилась в столовую шатаясь. Люди валились на скамьи, хватали ложки и ели молча, почти не глядя друг на друга. Не было сил ни на разговоры, ни на споры. Только мерное чавканье, стук мисок и тяжёлое, хриплое дыхание.

Арис сидел за тем же столом, что и утром. Дойн — рядом. Арч — напротив. Мик — чуть поодаль. Лин — с краю. Все молчали. Усталость давила на плечи тяжёлым грузом, и даже еда, всё такая же обильная и сытная, не приносила облегчения.

После ужина — казарма. Новобранцы расползлись по койкам, стягивая пропотевшую форму. Кто-то растянулся на тощем матрасе, глядя в потолок. Кто-то пытался растереть затёкшие мышцы, морщась от боли.

Дойн сидел на краю своей койки и медленно растирал затёкшие колени. Его морщинистое лицо было задумчивым.

— А я думал, — произнёс он вдруг негромко, — что всё будет гораздо хуже.

В казарме повисла тишина. Мик, лежавший на своей койке, хрипло рассмеялся.

— Хуже? — переспросил он. — Ты думал, хуже? Дойн, братец, ты ж вроде не похож на идиота.

Он приподнялся на локте и кивнул головой в сторону Ариса.

— Вон, спроси у него. Спроси у благородного, как оно будет на самом деле. И умножь всё это раз в сто.

Все взгляды скрестились на Арисе. Он сидел на своей койке, выпрямив спину, несмотря на усталость, и смотрел перед собой.

Пауза затянулась. Затем бывший капитан заговорил. Его голос звучал ровно, глухо, без эмоций, словно он читал вслух рапорт:

— От этих двух недель зависит, сколько вы проживёте там, — он кивнул в сторону востока. — Вас учат не просто так. Каждое упражнение, каждая лекция, каждая минута тренировки — это шанс. Шанс не умереть в первый же день. Шанс заметить мутанта, прежде чем он заметит тебя. Шанс не задохнуться в собственном костюме. Шанс не промахнуться, когда тварь будет в трёх метрах.

Он помолчал и добавил:

— А ещё — от удачи. Потому что можно сделать всё правильно и всё равно подохнуть. Можно оказаться в нужном месте в нужное время — и выжить там, где выжить невозможно. Но чем больше ты знаешь и умеешь, тем меньше тебе нужно этой самой удачи. Запомните это.

Он лёг на койку, закинул руки за голову и закрыл глаза.

Казарма погрузилась в тяжёлое, задумчивое молчание. Каждый лежал и думал о своём. О доме, которого больше не было. О прошлом, которое отрезали. О будущем, которое смотрело на них жёлтыми глазами мутантов оттуда, из-за восточных ворот.

Лин беззвучно плакал, уткнувшись в жёсткую подушку. Дойн смотрел в потолок и едва заметно шевелил губами — то ли молился, то ли повторял про себя услышанное на лекции. Арч сжимал и разжимал кулаки. Мик ощупывал языком новые зубы и думал о чём-то своём.

Свет погас. Казарма погрузилась во тьму, нарушаемую лишь слабым мерцанием силового купола за вентиляционными щелями.

Глава 2

Подъём объявили как обычно — в четыре. Сирена взывала утробно, злобно, и сержанты уже стояли в проходе, сжимая дубинки.

— Десять минут! Кто не успеет — будет бегать до кровавых мозолей!

Арис открыл глаза мгновенно. Справа завозился Лин — парнишка, на удивление, больше не путался в рукавах и научился одеваться за считанные секунды. Слева кряхтел Дойн, растирая затёкшие за ночь колени.

Но что-то было не так.

В проходе, между рядами нар, стоял сержант с лицом печёного яблока. Он стоял, не двигаясь, и смотрел куда-то вглубь казармы. Его взгляд, обычно равнодушный, сейчас выражал что-то среднее между досадой и усталой злостью.

Арис проследил за его взглядом и увидел Арча.

Здоровяк сидел на койке, вцепившись обеими руками в край матраса так, что побелели костяшки. Его грудная клетка вздымалась и опускалась рывками, словно внутри бился раненый зверь, пытаясь вырваться наружу. Лицо приобрело синюшный оттенок, на лбу блестел холодный пот, а изо рта вырывался свистящий, клопочущий звук.

— Арч! — окликнул его Дойн, поднимаясь с койки. — Эй, здоровяк!

Арч не ответил. Он попытался встать, оторвал одну руку от матраса, но тут же согнулся пополам в приступе кашля. Кашель рвал горло. А затем к нему добавился новый звук — влажное, булькающее хрипение. Из рта Арча на пол брызнула тёмная жидкость. Кровь.

— Дерьмо! — рявкнул сержант. — Опять!

Он бросился к выходу из казармы и заорал в коридор:

— Медика сюда! Живо! У нас больной!

Казарма замерла. Новобранцы стояли у своих коек — одетые наполовину, с ботинками в руках, с незастёгнутыми ремнями. Все смотрели на Арча, который сполз с койки на колени и теперь стоял на четвереньках, захлёбываясь кашлем. Кровь капала из его рта на серый бетонный пол, собираясь в маленькую лужицу, которая при свете ламп казалась чёрной.

Лин отвернулся и зажал рот ладонью. Мик, побледневший как полотно, просто стоял, не в силах отвести взгляд. Близнецы Вейл и Нейл переглянулись, и их лица выражали одно и то же — ужас пополам с бессилием.

Арис шагнул было к Арчу, но сержант преградил ему путь дубинкой.

— Назад, — бросил он. — Не путайтесь под ногами. Без вас разберутся.

Дверь казармы распахнулась, и в помещение вбежали двое санитаров с носилками. Их лица были скрыты под марлевыми повязками, но глаза выдавали привычную, усталую деловитость — они видели такое не в первый раз. Арча подхватили под руки, рывком подняли с пола и уложили на носилки. Он всё ещё кашлял, но уже тише, слабее. Его глаза закатились, а дыхание стало поверхностным.

— В лазарет, быстро, — скомандовал один из санитаров. — Доложите полковнику. Лёгочная недостаточность, третья стадия.

Арча унесли. Дверь захлопнулась. В казарме повисла гулкая, звонкая тишина.

Сержант с лицом печёного яблока выругался сквозь зубы, сплюнул на пол и обвёл взглядом замерших новобранцев.

— Чего встали, мясо?! — рявкнул он. — Я отменял команду «подъём»? Одеваться! Бегом! Если через три минуты вы не будете стоять на плацу, я устрою вам такую зарядку, что Арч покажется счастливчиком!

Люди засуетились. Натягивали комбинезоны, застёгивали ремни, обувались. Арис оделся быстро, размеренно, но в голове у него крутилось: «Что будет с Арчем».

На плацу, во время зарядки, никто не разговаривал. Лейтенант Орн гонял их как обычно — бег, отжимания, приседания с мешками песка. Но даже он, казалось, был сегодня злее обычного.

Только после зарядки, когда их погнали в столовую, напряжение немного спало. Люди расселись за столом, взяли подносы, но ели молча, глядя в миски. Даже Мик не шутил.

— Как думаете, что с ним? — спросил наконец Лин. Его голос был тихим, почти шёпотом.

— Обычное дело, — отозвался Барг, не поднимая глаз от каши. — Лёгкие. Испарения. Старая история.

— Его же уже лечили, — произнёс Лин. — Ему же делали операцию. Я видел шрам.

— Значит, шансы ещё ниже, — мрачно бросил Барг. — Это место усугубляет все твои болячки.

— Погоди его закапывать, — произнёс Мик. — Он крепкий.

— Барг прав, — вступил в диалог Рейн, бывший лекарь, сидевший за соседним столом. Он говорил тихо, но его слова слышали все. — Это место ещё не раз проверит нас на прочность. Есть вероятность, что ему придётся делать резекцию.

— Это когда отрезают кусок лёгкого? — мрачно бросил Мик.

— Или целое лёгкое, — ответил Рейн. — Если рубцы распространились, проще удалить всё, чем пытаться вылечить.

Лин поблел.

— Но человек может жить с одним лёгким? — спросил он дрожащим голосом.

— Может, — ответил Рейн. — Но не здесь. Не в Санитарном Корпусе. Если ему удалят лёгкое, его спишут. Отправят в тыл. На хозяйственные работы.

— Это если повезёт, — произнёс Арис.

Все повернулись к нему. Арис резал мясо размеренными движениями, не поднимая глаз.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Мик.

— Я имею в виду, что Империя не тратит ресурсы на тех, кто не может их отработать, — ответил Арис ровно. — Если Арча можно вылечить и вернуть в строй — его вылечат. Если его можно вылечить и использовать в тылу — его отправят в тыл. Если его нельзя вылечить...

Он сделал паузу.

— То его спишут, — закончил за него Барг. — В расход.

За столом повисла тишина. Лин опустил ложку и больше не притронулся к еде.

Все внутри надеялись, что операция пройдёт успешно.

Завтрак закончился быстро. Новобранцев построили и повели в учебный корпус. На этот раз капитан Роз ждала их не у карты, а у стойки с большим стендом, занавешенным тёмной тканью. Она стояла, скрестив руки на груди, и выражение её лица было ещё более мрачным, чем обычно.

— Сегодняшняя лекция — самая важная из всех, что вы услышите за время обучения, — произнесла она, когда новобранцы расселись. — Я расскажу вам о том, с чем именно вы будете сражаться. Записывать разрешаю.

Она сдёрнула ткань со стенда. Под ней оказались изображения — не рисунки на бумаге, а увеличенные фотографические пластины, закреплённые на доске. Чёрно-белые, зернистые, но от этого не менее жуткие.

— Перед вами — бестиарий Имперского Санитарного Корпуса, — произнесла капитан Роз. — Классификация угроз, с которыми вы столкнётесь в Зоне. Запомните их. Это спасёт вам жизнь.

Она указала указкой на первую пластину. Существо на ней было гуманоидным, но странно непропорциональным: тело, местами покрытое сотами, из которых сочилась тёмная жидкость, голова, похожая на бутон с жабрами и короткими щупальцами, короткие челове-

ские руки, ноги с вывернутыми назад коленями, покрытые язвами и бубонными волдырями. Глаза — ярко-жёлтые, светящиеся даже на чёрно-белом снимке.

— Фанатики, — произнесла Роз. — Люди, добровольно пришедшие в Зону для поклонения Мёртвому Богу. Они сознательно подвергают себя мутации и перенимают облик самого Эр-Акона. Обратите внимание: они делают это добровольно. Это не жертвы. Это адепты.

Она обвела указкой соты на теле фанатика.

— Их главная опасность — не физическая сила. Она невелика. Их опасность — в заражении. Из сот на теле фанатика постоянно сочится ядовитая жидкость. При контакте с этой жидкостью вероятность мутации — сто процентов. Повторяю: сто процентов. Не девяносто девять. Не «почти наверняка». Гарантировано. Тот, кто коснётся жидкости фанатика, станет мутантом.

По аудитории прошёл тихий ропот.

— Протокол при встрече с фанатиками, — продолжила Роз. — Не вступать в ближний бой. Не подпускать ближе чем на двадцать метров. Уничтожать огнёмётами. Химическими гранатами. При невозможности уничтожения — немедленно отступать и вызывать Стражей. Вопросы?

Вопросов не было. Все смотрели на пластину с фанатиком так, словно он мог ожить.

Роз перешла к следующему изображению. На нём было коренастое, приземистое существо с непропорционально длинными руками, волочащимися по земле. Кожа на предплечьях и кистях превратилась в слоистый хитин, из которого торчали лезвия — не природные, а словно вплавленные. Глаза были закрыты хитиновыми пластинами с отверстиями. И глаза эти были жёлтыми.

— Рабочие, — произнесла капитан. — Бывшие люди, чья мутация пошла по пути физического усиления. Название «Рабочие» — условное: мы не знаем, кем они были при жизни. Мы предполагаем, что многие из них — бывшие убийцы, воры и другое отребье. Люди, чья жизнь была связана с насилием. Их руки превратились в оружие. Хитиновые наросты на предплечьях — это окаменевшие фрагменты их бывшего оружия, которое мутация вправила в кости.

Она постучала указкой по голове существа.

— Глаза закрыты хитиновыми очками с перфорацией. Это значит, что зрение у них ограничено. Они ориентируются преимущественно на запах. И на запах крови они реагируют в первую очередь. Если кто-то из ваших товарищей будет ранен — ждите Рабочего. Он учует кровь за километр.

Роз сделала паузу.

— Их главная опасность — абсолютная нечувствительность к боли. Они атакуют без остановки, без страха, без инстинкта самосохранения. Хитиновые лезвия на их руках способны крошить камень. Они смеются во время боя.

— Смеются? — переспросил Мик недоверчиво.

— Смеются, — подтвердила Роз. — Мы не знаем, почему. Возможно, это память тела о прежней жизни. Возможно, это трение хитиновых пластин друг о друга.. Но когда вы услышите этот смех — вы не перепутаете его ни с чем. Защита: огонь, дистанция, пули. Уязвимые точки: сочленения конечностей. И ни в коем случае не вступайте с Рабочим в ближний бой. Даже если вы мастер. Он сильнее.

Она перешла к следующей пластине. На ней была фигура, сидящая в углу разрушенной комнаты. Маленькая. Детская. Тело — восковое, покрытое прозрачным хитином, как глазурию. Рядом валялась игрушка, тоже покрытая хитином. Глаза — полупрозрачные, но в глубине светился желтоватый огонёк.

— «Невинные», — произнесла Роз, и её голос впервые дрогнул. — Дети. Младенцы. Они не мутируют в привычном смысле. Они застывают. Их тела превращаются в подобие воско-

вых кукол, покрытых хитином. Они не растут. Они не разлагаются. Они сидят в разрушенных домах, обняв игрушки, и спят.

— Спят? — переспросил Лин.

— Спят, — подтвердила Роз. — И лучше бы им не просыпаться.

Она обвела указкой воздух вокруг фигуры на пластине.

— Пока Невинный спит, он излучает психоактивное поле. В радиусе ста метров люди слышат детский плач. Тихий, далёкий. Одевайте беруши, так как если слушать данный плач долго, то можно сойти с ума.

— Что будет, если он проснётся? — спросил Рейн.

— Контактный телекинез, — ответила Роз. — Они не двигаются. Они заставляют двигаться воздух вокруг вас. Они могут ускорить вашу кровь, пока сосуды не лопнут. Могут создать вакуум вокруг головы. Могут заставить ваши кости превратиться в пыль. Убить Невинного можно, но...

Она замолчала.

— Но? — подтолкнул её Мик.

— Но для этого нужно подойти к нему вплотную и нанести удар тесаком, — закончила Роз. — А это значит — увидеть его лицо. Увидеть ребёнка, который спит. Увидеть маленькие руки, сжимающие игрушку. И нанести удар. Не каждый солдат способен на такое. И некоторые, кто способен, потом не могут спать.

Она отвернулась к стенду и перешла к следующей пластине.

— «Скорбящие», — произнесла она. — Бывшие матери. Вдовы. Женщины, потерявшие близких.

Изображение было жутким. Высокая, иссохшая женская фигура с разорванным чревом, из которого свисало гнездо из хитиновых нитей. В гнезде копошились маленькие, слепые существа, уменьшенные копии человеческих младенцев. Лицо самой Скорбящей застыло в маске безмятежности.

— Они приманивают жертв, имитируя приятные каждому индивидуально запахи, — продолжила Роз. — Они создают иллюзию безопасного крова. Если вы идёте по Зоне и вдруг почувствуете запах дома — готовьтесь. Это Скорбящая. Её личинки атакуют стаями, впрыскивая токсин, вызывающий эйфорию и паралич. Вы умрёте с улыбкой на лице, пока она будет петь колыбельную.

Следующая пластина: гуманоид без кожи. Его мышцы и связки были обнажены, но не кровавые, а запёкшиеся в вощённую коричневую массу. На месте лица — идеально круглая воронка, окружённая хитиновыми кольцами, уходящая в глубину гортани. В глубине воронки светились два жёлтых огонька.

— «Крикуны», — произнесла Роз. — Предположительно бывшие предатели. Их мутация превращает голос в оружие.

Она ткнула указкой в воронку на месте лица.

— Крик Крикуна — это одновременно звуковая атака и информационная. Звук оглушает на десять-тридцать секунд. Информационная составляющая хуже. Крикун кричит голосом самого близкого вам человека. Он обвиняет вас в предательстве. От этого крика можно сойти с ума. Помимо этого, на его вопли сбегаются остальные монстры в радиусе от ста до двухсот метров, в зависимости от сил особи.

— Как защититься? — спросил Арис.

— Беруши. Полная эмоциональная глухота. Осознание того, что это не ваш близкий человек кричит. Это тварь имитирует голос. Если вы это запомните — вы выживете. Если нет...

Она перешла к следующей пластине. На ней был изображён высокий, массивный гуманоид, полностью покрытый хитиновой бронёй. В отличие от Рабочего, его броня была не наро-

стами, а цельным панцирем с сочленениями. Из плеч и спины торчали хитиновые шипы, которые, судя по позе, могли выстреливаться. Глаза за панцирным забралом светились жёлтым.

— «Пехота», — объявила Роз. — Бывшие военные. Их мутация, в отличие от других, не стирает личность полностью. Они сохраняют остатки памяти, остатки тактического мышления. Они объединяются в группы и действуют как единое целое.

— Они разумны? — спросил Дойн.

— Частично. На уровне инстинктов и мышечной памяти. Они знают, что такое фланги. Они знают, что такое засада. Они способны стрелять хитиновыми отростками на расстояние до тридцати метров. И они пользуются этим. Пехота — одна из самых опасных угроз Зоны, потому что она действует как армия.

— Как с ними бороться? — спросил Грот, молчаливый кряжистый мужик с глазами-бусинками.

— Как с любой армией, — ответила Роз. — Тактикой. Разделяйте их. Заходите с флангов. Не вступайте в перестрелку — у вас кончатся патроны раньше, чем у них кончатся отростки. Используйте огнемёты. И главное — не давайте им объединиться. Одиночный Пехотинец опасен, но уязвим. Группа — в разы опаснее.

Следующая пластина: нечто, похожее на крупное насекомое, но покрытое хитином характерного для всех мутантов строения — с теми же порами и теми же сотами. Глаза — жёлтые, фасеточные.

— «Некро-гад», — произнесла Роз. — Единственный тип мутантов, чьё происхождение почти наверняка не человеческое. Это бывшие насекомые, мутировавшие от контакта с жидкостями Бога. Возможно — паразиты, жившие на самом Эр-Аконе. Они небольшие, вездесущие, и их главная опасность — способность проникать под защитный костюм. Укус Некро-гада впрыскивает токсин, который вызывает медленное, мучительное окостенение тканей.

— Окостенение? — переспросил Лин.

— Ваши мышцы превращаются в хитин изнутри, — пояснила Роз. — Это больно. Это долго. И это необратимо. При укусе Некро-гада конечность ампутируют. Если укус пришёлся в корпус — ампутировать нечего. Способ защиты один: регулярный осмотр костюма. Каждый раз, когда вы выходите из боя или с привала, осматривайте друг друга. Ищите дыры. Если нашли — немедленно заклеивайте герметиком.

Следующая пластина: небольшое животное, покрытое хитином и бубонными волдырями, из которых сочились светящаяся жидкость. Глаза жёлтые, злые. Пасть оскалена, обнажая игольчатые зубы.

— «Падальщик», — сказала Роз. — Мелкие животные, мутировавшие от контакта с трупными жидкостями Бога. Поодиночке не опасны. Стаей — смертельны. Их укус ядовит, а из волдырей на теле сочится та же жидкость, что и у фанатиков, — но слабее. Заражение не гарантировано, но возможно. Огнемёт справляется с ними отлично. Тесак — тоже, но ближний бой с ними нежелателен.

И наконец, последняя пластина, самая крупная. Существо на ней было огромным, бесформенным, губчато-сотовой структуры. Из массы плоти торчали десятки конечностей разной длины, а в центре открывалась пасть, усыпанная не зубами, а мелкими отверстиями, из которых текла светящаяся желтоватая жидкость.

— «Архи-падальщик», — произнесла Роз с мрачной торжественностью. — Продукт слияния нескольких Падальщиков в единый организм. Высота — до восьми метров. Масса — до двадцати тонн. Способен поглощать живую плоть, перерабатывая её в энергию для роста. Основное оружие — выброс концентрированной «желчи» Бога на расстояние до пятидесяти метров. Попадание на незащищённую кожу вызывает некроз за три секунды. Попадание на защитный костюм — прожигает его за минуту.

Она сделала паузу, обводя аудиторию взглядом.

— Архи-падальщик не может быть уничтожен стандартной санитарной группой. Для него существует Гвардейский Корпус Стражей. Ваша задача при встрече с Архи-падальщиком — заметить его первыми, сообщить координаты и выжить до подхода Стражей. Если вы вступите с ним в бой — вы погибнете. Это понятно?

— Так точно, — нестройным хором ответили новобранцы.

Роз отложила указку и скрестила руки на груди.

— Теперь запомните главное, — произнесла она. — У всех мутантов, независимо от типа, есть один общий признак. Жёлтые глаза без зрачка. Если вы видите жёлтые глаза без зрачка в Зоне — стреляйте. Даже если это ребёнок. Даже если это женщина. Даже если это ваш бывший товарищ. Как только глаза человека становятся жёлтыми и пропадает зрачок — человека больше нет. Есть только мутант. Это понятно?

— Так точно, — повторил строй, на этот раз громче.

— Тогда на сегодня всё, — закончила капитан Роз. — Об особенностях флоры я расскажу вам на следующем занятии, которое пройдёт после вашего возвращения из вылазки.

Когда лекция закончилась, их отпустили на обед. Новобранцы выходили из класса молчаливыми, подавленными. Каждый думал о том, кого из этого списка он встретит первым.

Обед прошёл в тишине. Люди ели быстро, механически, без разговоров. Только когда подносы опустели, Мик нарушил молчание.

— Ну чо, — произнёс он, вытирая губы. — Теперь у нас есть полный список того, что нас убьёт. Осталось только подождать и угадать, кто первый.

— Оптимист, — буркнул Дойн.

— Реалист, — поправил Мик. — Я в отличие от некоторых не думаю, что выйду отсюда живым.

— Тогда зачем ты здесь? — спросил Лин.

Мик оскалился своей новенькой челюстью.

— А куда мне деваться, мелкий? Мне дали выбор: петля или Корпус. Я выбрал Корпус. По крайней мере, здесь у меня есть шанс. Маленький, но шанс. Хотя я в него и не верю.

— Это утешает? — спросил Рейн.

— Немного, — признал Мик. — Но больше утешает то, что зубы мне починили. Хотя сдохну со всеми зубами.

За столом хмыкнули. Даже Арис позволил себе слабую тень улыбки.

После обеда их повели на практические занятия. Лейтенант Орн построил отряд на плацу и выдал каждому по учебному тесаку — затупленному, с обитым лезвием, но всё ещё тяжёлому и громоздкому.

— Сегодня упор будет на холодное оружие, — объявил он. — Базовые связки, защита, атака. Вопросы есть?

Мик поднял руку. Орн прищурился.

— Рядовой 315-Р, вы хотите что-то спросить?

— Так точно, лейтенант, — произнёс Мик, опуская руку. — Я вот чего не пойму. Зачем нам вообще учиться владеть тесаком? У нас есть огнестрел. Карабины, пистолеты. Зачем нам тесак, если можно застрелить тварь с расстояния?

Орн медленно подошёл к Мику. Его лицо выражало задумчивость, но в глазах зажёгся опасный огонёк.

— Хороший вопрос, рядовой, — произнёс он. — Очень хороший. И я отвечу вам на него один раз. Слушайте все. Это касается каждого.

Он обвёл взглядом строй.

— Патроны в Зоне — не бесконечны. Боезапас ограничен. Империя не будет подвозить вам ящики с патронами по каждому вашему требованию. Логистика в Зоне — это риск, это

потери, это жертвы. Каждый конвой с боеприпасами должен пройти через заражённые территории, возможные засады мутантов. Поэтому патроны — ценный ресурс.

Он остановился напротив Мика.

— А теперь представьте, — продолжил Орн. — Вы отстреляли весь боезапас. Вы сделали сорок выстрелов по Пехоте, которая не падает. Вы истратили гранаты на Рабочего. Вы использовали огнемёт на Падалыщиков. И тут из подвала выползает ещё одна тварь. А у вас в руках — пустой карабин. Что вы будете делать?

Мик молчал.

— Именно для этого вам нужен тесак, — сказал Орн. — Это ваша последняя надежда. Ваш последний шанс. Когда всё остальное кончится — у вас останется только холодная сталь и ваши руки. И если вы не умеете пользоваться тесаком — вы сдохнете.

Он хлопнул Мика по плечу так, что тот пошатнулся.

— Поэтому берите тесак и вставайте в строй. И учитесь. Потому что когда-нибудь этот кусок металла будет единственным, что отделяет вас от смерти. Ясно?

— Так точно! — ответили новобранцы хором.

Занятия с тесаком были изматывающими. Орн гонял их до седьмого пота: базовые стойки, рубящие удары, защитные блоки. Каждое упражнение повторялось десятки раз, пока мышцы не начинали гудеть от усталости. Арис работал размеренно, экономя силы. Он уже умел обращаться с палашом — его обучали этому с детства, в офицерском корпусе. Но даже ему пришлось переучиваться: тесак Санитарного Корпуса был совсем не похож на дворянский палаш. Он был короче, тяжелее, грубее. Им не фехтовали — им рубили.

Барг держался наравне с Арисом, его движения были такими же экономными и точными. Мик то и дело ронял тесак, получал тычки от Клина, но упрямо продолжал. Лин сжимал рукоять так, словно от этого зависела его жизнь — и, возможно, так оно и было. Близнецы тренировались в паре, и их синхронность пугала даже Орна.

К концу занятий у всех болели плечи, запястья и ладони, покрытые первыми мозолями. Но теперь они хотя бы знали, с какой стороны братья за тесак.

Вечером, вернувшись в казарму, они заметили пустую койку Арча. Матрас и шкафчик тоже убрали.

— Где его вещи? — спросил Лин, оглядываясь.

— Убрали, — ответил Мик. — Видишь, даже матрас спёрли.

— Это значит, что он не вернётся? — спросил Лин сдавленным голосом.

— Это значит, что его списали, — произнёс Барг. — Если бы он был в лазарете, его вещи бы не трогали. Если убрали всё — значит, он списан.

— Выписан или списан? — уточнил Рейн.

— Не думаю, что в санитарном корпусе выписывают, — ответил Барг.

Лин стоял, глядя на пустое место. Его лицо ничего не выражало, но всё его тело мелко тряслось. Дойн положил руку ему на плечо.

— Возможно, его отправили в тыл, — сказал он тихо. — Операция на лёгком — это серьёзно. После неё человек не может воевать. Его могли отправить в хозяйственный корпус. Или в роту снабжения.

— Ты сам-то в это веришь? — зло спросил Мик.

Дойн посмотрел на него. Мик лишь сжал кулаки.

— Я не нагнетаю. Я просто говорю. Мы все знаем, как это работает. Если он не годен — его списывают. И Империя не тратит ресурсы на бесполезных, — озвучил Барг.

— Хватит, — оборвал его Дойн. — Лин, не слушай его. Мы не знаем, что с Арчем. Может, его отправили в столицу и лечат. Может, он уже едет в обозе куда-нибудь в тёплый тыл. Может, его выходили и теперь он служит поваром на гарнизонной кухне.

— Ты сам-то в это веришь? — повторил Мик.

Дойн вздохнул.

— Нет. Но мы должны верить. Иначе зачем вообще просыпаться по утрам?

— А ты что думаешь, благородный? — спросил Барг.

— Я думаю, что завтра рано вставать, — ответил Арис.

— И это всё? — прошипел Мик.

Арис вздохнул.

— Каждый из нас знает, где мы находимся. Арч не последний, будут ещё, возможно, я или кто-то из вас. Держите голову холодной.

Все молча смотрели на Ариса. Никто не знал, что добавить к сказанному.

Они легли спать в молчании.

Утром, на построении, Арис решил.

— Разрешите вопрос, сержант, — произнёс он, когда объявили план на день.

Сержант с лицом печёного яблока посмотрел на него с любопытством.

— Валяй.

— Прошлой ночью убрали койку рекрута Арча. Мы хотели бы знать, что с ним.

Сержант помедлил. Потом пожал плечами.

— Арч выписан по состоянию здоровья.

— Куда? — спросил Мик.

— Это не ваше дело, — отрезал сержант. — Приказ полковника Деклана: личный состав не обсуждает тех, кто выбыл. Это ясно?

— Так точно, — ответил Арис.

Сержант отошёл и рявкнул на строй:

— Бегом на зарядку!

После зарядки их вызвали на склад. Там, в длинном бетонном помещении, пропахшем карболкой и синтетикой, им выдали защитные костюмы — те самые, сшитые по индивидуальным меркам. Арис расправил свой комбинезон. Плотная, но гибкая ткань. Керамические вставки на жизненно важных узлах. Герметичные швы. Шлем с панорамным забралом и встроенным фильтром. Перчатки с магнитными застёжками. Высокие ботинки на толстой подошве.

— Полное снаряжение надеть! — скомандовал сержант. — Проверить герметичность! Взаимный осмотр!

Они надевали костюмы молча, сосредоточенно. Арис отметил, что его комбинезон сидит безупречно — ни складок, ни зазоров, ни лишней ткани. Дойн, стоящий рядом, поправил шлем и проверил застёжки на перчатках. Лин справился быстрее всех — за четыре секунды, как учили. Мик, напротив, возился с фильтром и тихо матерился.

— Завтра — первый учебный выход в Зону, — объявил лейтенант Орн, появляясь перед строем. — А сегодня — полоса препятствий, имитация боя, поиск укрытий. Вы будете в костюмах шесть часов. Проверим, как вы дышите, как двигаетесь, как стреляете в полной экипировке. Вопросы есть?

Вопросов не было. Все понимали: это последняя проверка перед настоящим выходом. Перед Зоной.

— Тогда вперёд, — скомандовал Орн. — И помните: если порвёте костюм — вернётесь на склад и будете чинить его до утра, а после неделю драить отхожее место. Завтра — первый выход.

Строй двинулся к воротам, ведущим на учебный полигон. Где-то вдалеке, за куполом, лежал Мёртвый Бог. И с каждым днём его длань простиралась всё дальше и дальше.

Глава 3

Четвёртое утро началось с голоса дежурного сержанта:

— Учебная рота! Подъём! Полное снаряжение. Через пятнадцать минут построение на плацу.

Арис открыл глаза. Сегодня их должны вывести в Зону. Учебный выход. Впервые с момента прибытия они покинут периметр и увидят то, с чем им предстоит столкнуться.

Справа уже возился Лин, натягивая защитный комбинезон. Парнишка заметно осунулся за эти дни, но движения стали увереннее, а в глазах больше не было прежней обречённой паники. Слева Барг методично проверял швы на своём костюме, его пальцы скользили по керамическим вставкам с привычкой старого солдата.

— Kan invicta, — произнёс он негромко, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Kan invicta, — прошептал Арис.

Больше никто не сказал ни слова. Молчание было густым, как туман за куполом, и в нём звенело невысказанное понимание: учебный выход или нет — они идут в Зону. А Зона не делает скидок на учебку.

Через пятнадцать минут двадцать один человек стоял на плацу в полной защитной экипировке. Комбинезоны, шлемы, перчатки, высокие ботинки — всё было надето и проверено. Сержанты прохаживались вдоль строя, проверяя герметичность костюмов, затяжку ремней, крепление подсумков. Пока пустых.

Лейтенант Орн появился перед строем ровно в четыре тридцать. Он был в полном боевом снаряжении — защитный костюм, разгрузочный жилет, автомат за спиной, тесак на поясе, подсумки с гранатами. Его лицо было бесстрастным, в глазах читалось спокойное, деловое напряжение человека, который делает свою работу и ждёт того же от других.

— Рекруты, — произнёс он, останавливаясь перед строем. Голос лейтенанта, усиленный резонансом плаца, разносился далеко и гулко. — Сегодня вы впервые покинете учебный лагерь и выйдете в Зону. Это учебная вылазка. Вы пойдёте под моим командованием, в составе действующего двадцать седьмого взвода Санитарного Корпуса. Ваша задача — наблюдать, слушать, запоминать. В бою вы будете находиться во второй линии. Огонь открывать только по моей команде или по команде старшего лейтенанта Трея.

Он сделал паузу, обводя строй взглядом.

— Во время вылазки вы обязаны беспрекословно подчиняться мне, старшему лейтенанту Трею и в экстренной ситуации любому бойцу двадцать седьмого взвода. Приказы не обсуждаются. Вопросы не задаются. Это понятно?

— Так точно, лейтенант! — нестройным, но громким хором ответил строй.

— Боекомплект вы получите при входе в Зону. Огнемёты вам пока не положены — только автоматы и тесаки.

Он кивнул сержантам. Те двинулись вдоль строя, неся в руках нечто, чего Арис раньше не видел. Металлические ошейники. Тонкие полоски серой стали с небольшой, плотно закрытой коробочкой на затылочной части.

Сержант с лицом печёного яблока подошёл к Арису, молча разомкнул ошейник и защёлкнул его на шею. Металл был холодным, тугим, обхватывал горло плотно, но не душил. Арис подумал, что вряд ли стоит ждать от этих ошейников что-то хорошее. Но свои мысли решил держать при себе, всё равно лейтенант озвучит, зачем они.

Справа сержант защёлкивал ошейник на Лине. Парнишка вздрогнул, когда металл коснулся кожи, но смолчал. Мик, стоявший через несколько человек, тихо выругался, но тут же осёкся под взглядом Орна. Барг принял ошейник молча, с лицом человека, который понимает, что вопросы здесь бессмысленны.

Когда последний ошейник был застёгнут, лейтенант Орн снова заговорил:

— Ошейники, которые вам только что закрепили, оснащены взрывным зарядом. Мощности небольшая, но достаточная, чтобы взорвать вам башку. Детонатор находится у меня, у старшего лейтенанта Трея и на базе. Если кто-то попытается бежать, нарушить строй без приказа или сделать любую другую глупость — заряд активируется. Если отряд потеряет связь с базой на срок более двадцати четырёх часов — ошейники сдетонируют автоматически.

Строй замер. Тишина стала абсолютной. Даже ветер, казалось, стих.

— Это что за херня?! — зло вскрикнул Мик. — Мы же свои! Мы идём в Зону вместе с вами! К чему это?!

Орн повернулся к нему. Его лицо не выражало ни гнева, ни раздражения. Только усталое терпение.

— Это защита от дураков, рядовой 315-Р, — произнёс он ровно. — Защита от тех, кто решает, что страх перед Зоной сильнее страха перед приказом. Вы — вчерашние уголовники. У вас нет причин любить Империю. У вас нет причин доверять командованию. Но у вас есть ошейники. И пока они на вас — у вас есть веская причина выполнять приказы.

Он обвёл строй взглядом.

— Ваша основная задача на сегодня — вернуться без потерь. Эта вылазка нужна, чтобы вы поняли, с чем вам предстоит столкнуться. Увидели Зону своими глазами. Поняли, ради чего вы тренируетесь и учитесь. Это учебный выход, но Зона не знает, что вы обучаетесь. Для неё вы — просто добыча. Поэтому слушайте приказы, держите строй и не делайте глупостей. Всё понятно?

— Так точно, лейтенант! — хором ответили рекруты.

Мик промолчал, но его лицо отражало бурю кипящих в нём эмоций.

Орн кивнул и развернулся.

— Строй, следовать за мной к выходу номер три. Бегом!

Они двинулись через лагерь. Серые бетонные коробки, колючая проволока, вышки с часовыми. Всё это уже стало привычным, но сейчас Арис ощущал каждый шаг иначе. Он шёл в Зону. Не на полигон, не на тренировку, а туда, где распространял своё дыхание Мёртвый Бог.

Выход номер три представлял собой массивный бетонный шлюз с двойными герметичными воротами. Перед ним, на утоптанной площадке, уже стоял двадцать седьмой взвод — семнадцать человек в полном боевом снаряжении. Их комбинезоны были не новыми, как у рекрутов, а выдавшими виды: заплатанными, выцветшими, со следами старых ожогов и тёмных пятен, которые не брала даже карболка. Оружие — автоматы, огнемёты, снайперские винтовки. На поясах — тесаки с зазубренными лезвиями, гранаты, подсумки с химическими зарядами.

Впереди строя стоял командир — невысокий, жилистый мужчина лет тридцати пяти. Его лицо было обветренным, с глубокими морщинами вокруг рта, а на левой щеке белел старый шрам — не боевой, а хирургический, оставленный то ли после удаления заражённой ткани, то ли после имплантации чего-то под кожу. На плечах — нашивки старшего лейтенанта. Взгляд — цепкий, холодный, оценивающий. Он осматривал приближающихся рекрутов с откровенной, ничем не прикрытой скукой, словно перед ним были не люди, а коробки с грузом, который нужно сопроводить из точки А в точку Б.

— Однако, — произнёс он, когда Орн приблизился. Голос у него оказался низким, с хрипотцой. — Многовато у тебя туристов, Орн. Я думал, пяток-десяток, а тут целый взвод.

Он кивнул в сторону рекрутов.

Орн остановился перед ним и коротко кивнул.

— Надеюсь, столько и останется по завершении.

— Не переживай, — произнёс Трей, растягивая слова. — Вернём в целости и сохранности.

Он повернулся к своему взводу и негромко, но отчётливо произнёс:

— Двадцать седьмой, внимание. Задача зайти и выйти без приключений. Туристов не терять. Вопросы?

Вопросов не было. Бойцы двадцать седьмого молча разглядывали новобранцев, и в их взглядах читалось то же, что и в голосе Трея: скука, смешанная с лёгкой надменностью. Ещё одна партия пушечного мяса, которую нужно провести по маршруту и вернуть на базу. Или не вернуть — это уж как повезёт.

Орн подошёл к Трею и протянул руку. Трей пожал её — коротко, сухо, по-деловому.

— Как сам? — спросил Орн.

— Отдыхал, — ответил Трей с той же ленивой усмешкой. — Думал, хоть неделю без вылазок посижу. А тут — сопровождать молодняк. Ладно, всё готово. Выступаем.

Орн кивнул и повернулся к рекрутам:

— Боезапас получить! Каждому — два магазина, по тридцать патронов. Тесак — на пояс.

Арис принял из рук сержанта два магазина, проверил их, загнал один в автомат, второй убрал в подсумок. Тесак лёг на пояс.

— Выходим, — скомандовал Трей. — Порядок движения: авангард — Джо и Вак, фланги — Мел и Шут, арьергард — Сол, Ник и Сом, нюхач — Амбер. Учебная группа в центре. Дистанция между бойцами — три метра. Радиомолчание, кроме экстренных случаев. Пошли.

Все надели маски, кроме Амбера, который, тихо ворча, убирал свою защитную маску в сумку.

Герметичные ворота с шипением разомкнулись, и в лицо ударил запах. Даже через фильтры — сладкий, приторный, с металлическим привкусом. Запах гниющих лилий, горячего озона и разложения. Запах Мёртвого Бога.

Они вышли за периметр.

Зона встретила их тишиной. Приглушённой, словно все звуки проходили через толстый слой ваты. Шаги по земле звучали глухо, неразборчиво. В этом новом мире было ясно одно: им здесь не рады.

Дойдя до леса, отряд продолжил движение через него. Деревья здесь были больными. Стволы местами покрывал хитин, напоминающий пчелиные соты. Ветви, лишённые листьев, тянулись к серному небу, как скрюченные пальцы. Из трещин в коре сочилась мутная, желтоватая жидкость, медленно капавшая на землю. Там, где капли падали, не росло ничего — только серый, мёртвый мох и мелкие, белые грибы на тонких ножках.

Арис шёл в центре строя, держа автомат наготове. Он смотрел по сторонам, впитывая детали. Деревья, поросшие хитином. Воздух, пропитанный сладковатой гнилью. И тишина. Глубокая, вязкая, нарушаемая только шорохом шагов и редким треском рации.

Впереди, во главе колонны, шли два разведчика двадцать седьмого взвода. Они двигались бесшумно, временами словно растворяясь в местном пейзаже. По флангам, на расстоянии видимости, скользили ещё двое. Позади, замыкая строй, шли трое — эти не столько смотрели наружу, сколько приглядывали за рекрутами.

Трей и Орн шли рядом, чуть впереди учебной группы. Они переговаривались — негромко, спокойно, словно не по Зоне шли, а прогуливались по гарнизонному плацу.

— Семьёй не обзавёлся? — спросил Трей.

— Нет, — ответил Орн. — Не до этого.

— Жалко, — бросил Трей без тени жалости. — Я думал, может, хоть кому-то это удастся. Значит, как и все, блядствуешь?

— Нет, — слегка поморщившись, сказал Орн. — Ты лучше вокруг смотри.

— Неужели в монахи записался, — со смехом в глазах произнёс Трей. — А за вокруг не переживай, всё под контролем.

Арис слушал этот разговор и чувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Он понимал: Трей — ветеран, командир действующего взвода, человек, который видел в Зоне

такое, чего Арис пока не мог даже представить. Но на его памяти расхлябанность и несерьёзное отношение к делу практически всегда приводили к плохим последствиям.

Арис знал этот тип командиров. Он видел таких на Северном Фронтире. Те, кто расслаблялся и забывал про опасность, рано или поздно начинали терять осторожность. И тогда гибли не только они сами, но и их подчинённые.

Лин шёл рядом, сжимая автомат побелевшими пальцами. Его лицо было бледным, но глаза смотрели прямо, и дыхание оставалось ровным. Барг держался чуть позади, двигаясь с той же экономной, выверенной грацией, что и на тренировках. Мик, идущий дальше, то и дело оглядывался по сторонам, и его новенькие зубы были плотно сжаты.

— Как думаешь, кого встретим? — шёпотом спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Тише, — одёрнул его Барг. — Не на прогулке с бабой.

Мик замолчал.

Прошло два часа. Лес постепенно редел, хитиновые наросты на деревьях становились гуще, а воздух — тяжелее. Серное небо над головой висело низко, давило, заставляя вжимать голову в плечи. Где-то вдалеке, едва слышно, гудел бас Мёртвого Бога.

Рация на поясе Трея ожила.

— Командир, это Вак, — голос был искажён помехами, но разборчив. — Мы на месте. Опушка.

Трей поднял руку, и колонна остановилась.

— Ждите, — приказал он в рацию. — Мы подходим.

Он обернулся к Орну:

— Твои пусть держатся сзади и вперёд не лезут.

Орн кивнул и обернулся к рекрутам:

— Следовать за двадцать седьмой. Не отставать. Не шуметь.

Они двинулись вперёд — медленнее, осторожнее. Деревья расступались, и впереди уже виднелся просвет. На краю опушки уже стояли Джо и Вак. Трей снова поднял руку, и все замерли.

— Ждать, — тихо скомандовал он по рации. — Мел, Шут — контроль периметра. На опушку не выходить.

Крайние разведчики буркнули в рацию: «Есть» — и скрылись среди деревьев.

— Амбер, чувствуешь что-нибудь? — спросил Трей.

— Нет, — спокойно ответил Амбер.

Прошло несколько минут. Тишина. Только ветер шелестел хитиновыми наростами на ветках, издавая тихий, звенящий звук.

Арис стоял за спиной Орна и Трея, и его рост позволял видеть просвет между деревьями. Что-то лежало в центре опушки. Что-то тёмное, бесформенное. Он прищурился, пытаясь разобрать очертания.

Он достал бинокль — висевший у него на поясе, — и поднёс к глазам.

Фокус дёрнулся, размытая картинка собралась в чёткое изображение.

На земле, раскинув руки, лежало тело. Человеческое. Вернее, то, что от него осталось. Грудная клетка была вскрыта, рёбра разведены в стороны, как лепестки распустившегося бутона, обнажая пустую, вычищенную до блеска полость. Внутренностей не было. Лицо было изуродовано, но не мутацией, а работой хирурга-мясника. С левой стороны горла зиял разрез, из которого торчали обрывки трахеи. Хирургический разрез. Такой же, какой Арис видел на шее у Арча перед тем, как его унесли в лазарет.

Арис опустил бинокль. В его голове что-то щёлкнуло. Он узнал, чьё это тело.

Он шагнул вперёд, к лейтенанту Орну. Его движение привлекло внимание — Дойн повернул голову, Мик насторожился, Лин замер. Но Арис не обращал на них внимания.

— Лейтенант Орн, — произнёс он тихо, но так, что в тишине леса его услышали все. — На опушке тело. Это Арч.

Орн обернулся. Его лицо было непроницаемым.

— 614-И, закрой рот.

— Лейтенант, — продолжил Арис, хотя нарушать приказ офицера с бомбой на шее было неразумно. — Его тело. Выпотрошенное. В центре опушки.

Остальные штрафники зашевелились. Мик шагнул ближе, его лицо побледнело. Лин, наоборот, застыл, не в силах пошевелиться. Барг молча смотрел на Ариса, и в его глазах читалось понимание — он уже догадался, что последует дальше.

Орн открыл рот, чтобы ответить, но его опередил Трей.

— 614-И, — произнёс старший лейтенант, не оборачиваясь. Его голос был всё таким же спокойным, ленивым, но теперь в нём появилась стальная, режущая нота. — Это твой номер?

Арис перевёл взгляд на Трея.

— Так точно. 614-И.

— «И» — значит измена, — протянул Трей, по-прежнему не оборачиваясь. — Так ты изменник, 614-И. Советую тебе заткнуть пасть. Иначе тел в центре опушки будет два. Или больше. — Он глянул на остальных.

Он наконец повернулся. Его глаза смотрели прямо в глаза Ариса — холодные, бесстрастные, с теми же расширенными зрачками, что и у полковника Деклана, но без его театральности. Трей не запугивал. Он информировал.

— Арч, — произнёс Трей, смакуя это имя, — умер во время операции. Он был штрафником. Его тело принадлежит Санитарному Корпусу. Корпус вправе распоряжаться им как угодно. В том числе использовать в качестве приманки. Ты понял, 614-И?

Арис ничего не ответил. Его желваки заходили на скулах, а рука, сжимавшая автомат, побелела. Но он молчал. Потому что говорить сейчас — значило умереть.

Трей усмехнулся и отвернулся.

— Вот и славно. Стоять тихо. Ждать.

Арис отступил обратно в строй. Внутри него бушевала злость. Он смотрел на спину Трея и видел не человека, а машину. Машину, которая перерабатывала людей в мясо. Машину, частью которой он сам стал.

Мик, стоявший рядом, хотел что-то сказать. Его лицо было искажено яростью, но его вовремя подхватили Барг и Клинт. Ошейник на его шее поблёскивал в тусклом свете серного неба. Дойн положил руку на плечо Лина и что-то тихо шепнул ему. Лин вздрогнул, но кивнул.

Арис заставил себя дышать ровно. Злость — плохой советчик. Особенно в Зоне.

Прошло несколько минут. Тишина стала почти невыносимой. А потом откуда-то изда-лека, с дальней стороны опушки, донёсся звук.

Смех.

Тихий, хриплый, лающий. Он был едва слышен, но в мёртвой тишине леса разносился далеко и жутко. Арис узнал его мгновенно — по описанию капитана Роз. Смех Рабочего.

Трей тоже услышал. Он повернулся и вскинул руку.

— Внимание, — тихо, но отчётливо произнёс он. — Всем приготовиться.

На краю опушки, с дальней стороны, появилась фигура. Коренастая, приземистая, с непропорционально длинными руками, волочащимися по земле. Хитиновые наросты на предплечьях блестели в серном свете. Из-под хитиновых очков с перфорацией пробивался слабый жёлтый свет. Существо двигалось быстро, целенаправленно, словно учуяло запах.

Запах крови. Запах тела, лежащего в центре опушки.

Рабочий приблизился к труп Арча, наклонился, и его руки-лезвия начали разрывать плоть. Он пожирал тело — молча, сосредоточенно, не обращая внимания ни на что вокруг.

Трей поднёс рацию к губам.

— Снайперы, выдвинуться на позиции к разведчикам. Приготовиться. По моей команде — ликвидация.

Двое бойцов с длинноствольными винтовками скользнули вперёд и заняли позиции на краю опушки. Прошло полминуты. Потом рация ожила:

— Жак на позиции.

— Рон на позиции.

— Огонь, — скомандовал Трей.

Два выстрела слились в один. Пули ударили Рабочего в грудь и плечо. Существо пошатнулось, но не упало. Оно развернулось — и его лицо, скрытое хитином, обратилось в сторону леса. Из-под очков с перфорацией полился жёлтый свет.

И Рабочий побежал. Прямо на позиции снайперов.

— Пехота, вперёд! — скомандовал Трей.

Бойцы двадцать седьмого взвода вышли из леса, выстроившись шеренгой. Автоматы заговорили одновременно, поливая бегущую тварь свинцом. Пули выбивали крошку из хитиновой брони, но не останавливали Рабочего. Он бежал, смеясь, и его смех был слышен даже сквозь грохот выстрелов.

— Гранаты! — рявкнул Трей.

Из-за спин пехоты полетели небольшие стеклянные шары. Они ударились о землю перед Рабочим и взорвались, расплескав кислоту. Хитин зашипел, запузырился, пошёл трещинами. Рабочий закричал — не от боли, а от ярости. Его нога подломилась, потом рука, оторванная взрывом, отлетела в сторону.

Но он всё равно полз.

Из-за шеренги вышли двое огнемётчиков. Длинные струи пламени ударили в Рабочего, окутали его с головы до ног. Хитин затрещал, лопаясь от жара. Смех перешёл в булькающий хрип, а потом стих.

Рабочий перестал шевелиться.

Трей опустил бинокль и усмехнулся.

— Ну вот и прогулялись, — произнёс он, поворачиваясь к Орну. — А ты боялся.

И в этот момент с левого фланга, из леса, донёсся крик.

Трей замер. Его лицо впервые изменилось — скучающее выражение сменилось холодной, расчётливой сосредоточенностью.

— Доложить обстановку! — рявкнул он в рацию.

— Правый фланг — чисто, — отозвался голос.

— Мел, Жак?

Тишина.

— Левый фланг, доложить обстановку!

Тишина. Только шорох помех.

Трей выругался сквозь зубы.

— Всем рассредоточиться! Цепью! Движение к левому флангу! Орн, твои за нами. Бегом!

Бойцы двадцать седьмого взвода развернулись и двинулись в лес — быстро, слаженно, занимая позиции. Орн махнул рукой рекрутам:

— За мной! Не отставать! Держать дистанцию!

Арис побежал. Ошейник на его шее неприятно холодил кожу, но сейчас он не думал о нём. Он думал о крике. О том, что кричал человек, а не мутант. И о том, что Трей тоже это понял.

Глава 4

Лес сомкнулся за спинами бегущих, поглотив остатки света с опушки. Серное небо превратилось в едва различимую желтоватую полосу над головой, а воздух стал гуще и холоднее. Хитиновые наросты на стволах слабо мерцали, отражая рассеянный свет, и в этом мерцании было что-то неземное.

Двадцать седьмой взвод двигался цепью, рассредоточившись на дистанции трёх метров друг от друга. Впереди шли Джо и Вак — разведчики, чьи силуэты то появлялись, то исчезали за больными стволами. Чуть позади, прикрывая правый фланг, скользил Шут. Амбер-нюхач держался рядом с Треем, его лицо без защитной маски кривилось — он постоянно принюхивался, морща нос.

Рекруты шли второй шеренгой. Арис чувствовал, как напряжение нарастает, и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Воздух, даже через фильтр, казался маслянистым и тяжёлым. Где-то вдалеке снова застонал Мёртвый Бог — низкий, утробный гул прокатился по лесу, заставив всех инстинктивно пригнуть головы.

— Спокойно, — негромко произнёс Орн. — Это просто шум.

Но спокойствия не было. Арис видел, как Лин сжимает автомат пальцами, как Мик то и дело боязливо озирается, как близнецы Вейл и Нейл переглядываются, и в их глазах читается один и тот же вопрос: что там, на левом фланге?

Бойцы двадцать седьмого переговаривались вполголоса — негромко, скупое, но даже в их голосах проскальзывало напряжение. Они-то знали, что тишина в рации после крика — плохой знак. Очень плохой.

Шли быстро, но осторожно. Каждые тридцать шагов Трей поднимал руку, и цепь замирала. Все прислушивались. Лес молчал. Только хитиновые наросты на ветках тихо звенели под порывами ветра.

— Пахнет кровью, — вдруг произнёс Амбер. Его голос был спокойным. — Кровь свежая.

Трей кивнул, не сбавляя шага.

— Значит, близко. Всем приготовиться.

Арис перехватил автомат удобнее. Большой палец лёг на предохранитель. Он чувствовал, как пот стекает по спине под комбинезоном, как сердце бьётся где-то в горле. Рядом Барг двигался с той же экономной, выверенной грацией, что и всегда, но его глаза — Арис заметил — стали острее, цепче. Он был готов.

Прошло ещё несколько минут. Деревья расступились, открывая небольшую поляну — прогалину среди больных стволов, где земля была усыпана хитиновой крошкой, а воздух казался особенно густым.

И там, на земле, лежали два тела.

Трей поднял руку. Цепь замерла.

— Вак, Джо — осмотреться. Остальным — не двигаться.

Разведчики скользнули вперёд и скрылись за деревьями. Прошла минута. Две. Потом рация ожила:

— Чисто. Кроме этих двоих — никого.

Трей выдохнул сквозь зубы и двинулся вперёд. Остальные последовали за ним.

Тела лежали в неестественных позах, раскинув руки. Комбинезоны были пробиты в нескольких местах — из груди, живота и плеч торчали длинные, зазубренные хитиновые отростки. Они вошли глубоко, пробив керамические вставки насквозь. Кровь уже впиталась в хитиновую крошку под телами, оставив лишь тёмные, влажные пятна.

Мел — тот самый разведчик, что должен был контролировать левый фланг, — лежал на спине, уставившись в серное небо остекленевшими глазами. Его лицо было удивлённым — он явно не ожидал атаки. Три отростка пробили его грудь, ещё один вошёл в горло.

Жак, снайпер, лежал ничком, и из его спины торчали пять отростков. Он даже не успел обернуться. Его винтовка валялась рядом, так и не снятая с предохранителя.

Трей остановился над телами. Его лицо, обычно лениво-расслабленное, сейчас застыло в маске холодной ярости. Он смотрел на убитых несколько секунд, потом сплюнул на землю.

— Твою мать, — произнёс он тихо, но от этого тихого голоса у Ариса по спине пробежал холодок. — Пехота.

Орн подошёл ближе, присел над телом Мела, осмотрел отростки.

— Точно Пехота. Калибр отростков — стандартный, около двенадцати миллиметров. Били с близкой дистанции. Скорее всего, из засады.

— Вот дерьмо, — Трей выпрямился и обвёл взглядом лес. — Пехота — это всё осложняет. С ними так просто разобраться не получится.

Он повернулся к строю и скомандовал резко, отрывисто:

— Круговая оборона! Первая линия — новобранцы. Вторая — двадцать седьмой. Живо!

Рекруты засуетились, занимая позиции. Первая линия — это означало, что они будут стоять впереди, принимая на себя первый удар. Арис понимал тактический смысл: ветераны двадцать седьмого, стоя позади, смогут вести прицельный огонь поверх голов новобранцев. Но это также означало, что, если Пехота атакует, — первыми погибнут они.

Орн нахмурился, но промолчал. Видимо, решил не оспаривать приказ Трея перед строем.

Барг, занимая позицию рядом с Арисом, наклонился и прошептал едва слышно:

— *Kan invicta*. Видимо, решили поберечь триариев.

Арис хмыкнул, не отрывая взгляда от леса.

— Похоже на то.

Триарии — в старой имперской армии так называли самых опытных ветеранов, которых ставили в третью, последнюю линию. Если бой доходил до триариев — дело было совсем плохо.

— Внимание! — голос Трея прозвучал резко. — Смотреть в оба. Любое движение — докладывать. Стрелять только по подтверждённой цели.

Все замерли. Тридцать шесть стволов смотрели в лес. Глаза напряжённо вглядывались в полумрак между деревьями. Хитиновые наросты мерцали, создавая обманчивые тени. Каждое движение ветки казалось движением врага. Каждый шорох — шагом мутанта.

Прошла минута. Две. Три. Тишина давила на уши, становилась почти физически ощутимой. Арис чувствовал, как пот заливает глаза под шлемом, как автомат в руках становится всё тяжелее. Он переводил взгляд с одного дерева на другое, пытаясь заметить хоть что-то, но лес был пуст.

И тут грохнул выстрел.

Силк — тихий, похожий на мышь шулер — не выдержал первым. Его автомат дёрнулся, выплюнув короткую очередь куда-то в темноту между деревьями. Пули ударили в хитиновый нарост на стволе, выбив крошку, и ушли в никуда.

И тогда начался ад.

Ларс выстрелил следом — его очередь ушла правее. Стриж, стоявший рядом, нажал на спуск и уже не отпускал, поливая лес свинцом. Тобб, Клинт, Вейл, Нейл — близнецы стреляли синхронно, как на тренировках, но их пули тоже уходили в пустоту. Гурт, Виск, Флейм, Торм, Кайр, Дюн палили куда придётся. Даже Лин успел сделать три выстрела, прежде чем осознал, что делает.

Грохот стоял оглушительный. Пули крошили хитин с деревьев, поднимали фонтанчики крошки с земли, рикошетили от стволов. Запах пороха смешался со сладковатой гнилью Зоны. Магазины пустели с невероятной скоростью.

— Отставить! — орал Орн, перекрывая грохот. — Отставить огонь, мать вашу!

— Прекратить! — вторил ему Трей, но его голос тонул в какофонии выстрелов.

Арис не стрелял. Он стоял, вжав приклад в плечо, но палец так и не коснулся спуска. Рядом Барг тоже молчал, его автомат был направлен в лес, но глаза — спокойные, расчётливые — сканировали пространство, выискивая реальную цель. Рейн, бывший лекарь, присел на одно колено и держал оружие ровно, но не стрелял. Грот, молчаливый кряжистый мужик с глазами-бусинками, вообще опустил ствол и наблюдал за происходящим с мрачным спокойствием.

— Отставить! — снова рявкнул Орн.

Выстрелы начали стихать. Магазины опустели. Затворы автоматов застыли в заднем положении. И в наступившей тишине стало слышно, как ветер шелестит хитиновыми наростами на ветках.

Трей медленно, очень медленно подошёл к Силку. Шулер всё ещё сжимал автомат, его лицо было белым как мел, а в глазах плескался чистый, незамутнённый ужас. Он смотрел на Трея, как кролик смотрит на удава.

Трей ничего не сказал. Он просто ударил Силка под дых.

Шулер согнулся пополам, хватая ртом воздух, и рухнул на колени. Автомат выпал из его рук. Трей поднял оружие, выщелкнул пустой магазин, проверил патронник и забрал автомат себе.

— Слушай мою команду, — произнёс Трей негромко, но в наступившей тишине его голос был слышен всем. — Следующего, кто начнёт паниковать и стрелять в пустоту, я лично обнулю. Это понятно?

Никто не ответил. Все смотрели на скорчившегося на земле Силка.

— Я спросил: понятно?!

— Так точно, — прохрипел Силк, всё ещё не в силах разогнуться.

— Так точно, — нестройным хором повторили остальные.

Трей обвёл взглядом строй, задержался на Арисе — тот стоял с автоматом, в котором ещё оставались патроны, и не стрелял. Потом перевёл взгляд на Барга. На Рейна. На Грота. Чуть заметно кивнул.

— Предлагаю всем двигаться кольцом в сторону лагеря. Уходим, — произнёс Орн.

— Нет, — отрезал Трей.

Орн прищурился.

— Поясни.

— Пехота, — Трей кивнул в сторону тел Мела и Жака. — Они убили двоих моих людей. Если мы уйдём сейчас, эта группа Пехоты останется здесь. Будет охотиться на патрули. Завтра или через неделю убьёт ещё кого-то. Их нужно уничтожить сейчас, пока они не ушли.

— У нас учебная группа, — напомнил Орн. — Двадцать один рекрут. У половины пустые магазины.

— Поэтому я и предлагаю разделиться, — произнёс Трей спокойно. — Ты берёшь новобранцев и ведёшь их в сторону лагеря. Я с двадцать седьмым заканчиваю дело и догоняю вас.

Орн покачал головой.

— Новобранцы с тридцатью патронами на брата ничего не смогут противопоставить Пехоте, если та нападёт на них по пути. Ты это знаешь. Кроме того, — он понизил голос, чтобы слышал только Трей, но Арис, стоявший достаточно близко, разобрал каждое слово, — полковник Деклан спустит шкуру с обоих, если мы допустим большие потери среди молодняка. Ты хочешь объяснять полковнику, почему от учебной группы осталось три человека?

Трей замер. Его желваки заходили на скулах. Он смотрел на Орна, и в его глазах боролись два желания: догнать и уничтожить Пехоту — и не получить выговор от командования. Прошло несколько секунд. Потом он выдохнул.

— Ладно. Уходим все вместе. Но если Пехота пойдёт за нами — встречаем её на ходу.

— Договорились, — кивнул Орн.

Трей повернулся к строю и скомандовал:

— Рассредоточиться на два шага. Образует кольцо. Движение в сторону лагеря. — Он указал пальцем на Торма и Клину. — Вы двое — взять тела павших и их амуницию. Остальным — прикрывать.

Торм, молчаливый гигант, без слов поднял тело Мела и взвалил на плечо. Клину, кряжистый кузнец, подхватил Жака. Остальные заняли позиции по кругу, выставив стволы наружу.

— Вперёд, — скомандовал Трей. — Не спешить. Смотреть в оба. Дистанция — два шага.

Кольцо двинулось сквозь лес. Шли медленно, осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. Арис держался на правом фланге кольца, рядом с Баргом и Дойном. Лин шёл чуть впереди, его лицо было бледным, но автомат он держал ровно. Мик, идущий слева, то и дело поскуливал.

— Амбер, чувствуешь что-нибудь? — негромко спросил Трей.

— Нет, старлей.

Прошло пять минут. Десять. Лес молчал. Только ветер шелестел наростами на ветках. Арис уже начал думать, что Пехота, может быть, потеряла их след.

И тут из-за деревьев, метрах в двадцати, появились они.

Пехотинцы были высокими, массивными гуманоидами, полностью покрытыми хитиновой бронёй. Их панцири не были наростами, как у Рабочих, а цельными, с видимыми сочленениями на суставах. Из плеч и спин торчали хитиновые шипы, готовые выстрелить в любой момент. Глаза за панцирными забралами светились жёлтым — ярко, зло, без зрачков. Четыре твари вскинули руки.

Залп хитиновых отростков был беззвучным — только свист рассекаемого воздуха. Отростки, острые как иглы, размером с арбалетный болт, ударили в кольцо.

Виск вскрикнул и рухнул на землю. Отросток вошёл ему в голову чуть выше левого уха, пробив шлем насквозь. Кровь и что-то ещё брызнули на землю. Юркий малый с крысиным лицом, правая рука Стрижа, даже не успел понять, что умер.

Тобб, широкоплечий крестьянин, пошатнулся. Отросток пробил его плечо, раздробив керамическую вставку, и застрял в кости. Тобб закричал — дико, пронзительно — и упал на одно колено, зажимая рану.

Силк, всё ещё не оправившийся после удара Трея, попытался пригнуться, но не успел. Отросток ударил его в горло, пробив трахею. Шулер захрипел, схватился за шею, из которой хлестала кровь, и повалился на бок. Его ноги ещё дёргались, но глаза уже остекленели.

— Огонь! — рявкнул Трей.

Кольцо взорвалось выстрелами. На этот раз никто не палил в пустоту — ветераны двадцать седьмого стреляли прицельно, короткими очередями. Новобранцы, у кого ещё остались патроны, открыли огонь следом. Пули ударили в хитиновую броню Пехотинцев, выбивая крошку, но не пробивая.

— Цельтесь в сочленения! — крикнул Орн, перекрывая грохот. — В суставы! Только туда!

Один из Пехотинцев пошатнулся — очередь ударила ему в коленный сустав, раздробив хитин. Тварь упала, но продолжала стрелять отростками, лёжа на земле. Другой Пехотинец получил несколько пуль в плечевое сочленение и на мгновение замер, перестав стрелять.

— Раненых оттащить! — скомандовал Орн. — Быстро!

Барг и Клину подхватили Тобба под руки и потащили в глубь кольца. Крестьянин всё ещё кричал, но уже тише — болевой шок начинал брать своё.

Пехотинцы, потеряв одного раненым, перестроились. Двое из них выдвинулись вперёд, прикрывая остальных, и открыли шквальный огонь отроостками. Остальные начали обходить кольцо с флангов.

— Они нас обходят! — крикнул Джо, разведчик.

— Вижу, — отозвался Трей. — Шут, Сол — правый фланг. Ник, Сом — левый. Не дайте им зайти с боков.

Ветераны двадцать седьмого перестроились на ходу, занимая позиции. Огонь с их стороны стал плотнее. Один из обходящих Пехотинцев получил гранату — стеклянный шар ударился о его панцирь и взорвался кислотой. Хитин зашипел, пошёл пузырями, тварь закричала — низким, уробным воем — и рухнула, раздирая когтями собственную броню.

— Минус один, — доложил Шут.

— Принял, — отозвался Трей. — Продолжать огонь.

Арис стрелял одиночными, целясь в суставы. Один выстрел — мимо. Второй — попал в плечо, но отроосток выбил только крошку. Третий — ударил в колено. Пехотинец споткнулся, и в этот момент его накрыло огнём из огнемёта. Хитин затрещал, лопааясь от жара.

— Минус два, — произнёс Вак.

Оставшиеся двое Пехотинцев на прямой видимости начали отступать, прикрываясь деревьями. Лес на мгновение затих.

— Не расслабляться, — предупредил Трей. — Их на самом деле может быть больше.

Орн, перезаряжая автомат, подошёл к нему.

— Если мы продолжим, на шум могут прибежать другие мутанты. Крикуны, Пададьщики. Мы не знаем, кто сейчас ещё в этом лесу.

Трей задумался на секунду, потом кивнул.

— Согласен. Уходим. Быстро.

Он повернулся к строю и скомандовал:

— Строимся в четыре походные колонны по одному. Дистанция между колоннами — пять метров. Вак и Джо — ведущие. Впереди и сзади колонн — новобранцы. В середине — раненые и двадцать седьмой. Кто здоровее — раненых и тела павших на себя. Быстрым маршем двигаемся в направлении лагеря. Вопросы?

Вопросов не было. Все понимали: ещё один такой бой они могут не выдержать.

Построились быстро. Четыре цепочки людей, растянувшиеся на пять метров между собой. Впереди, в голове каждой колонны, шли новобранцы — те, у кого ещё остались патроны. Позади — тоже новобранцы. В середине, под защитой, несли Тобба, который уже потерял сознание от боли, и тела погибших — Виска и Силка. Тела Жака и Мела по-прежнему тащили Торм и Клинт.

— Бегом, — скомандовал Трей. — Темп — средний. Не отставать.

Колонны двинулись сквозь лес. Шли быстро, но не бежали — берегли силы. Арис держался в голове второй колонны, рядом с Баргом и Дойном. Лин шёл в хвосте третьей, и Арис постоянно оглядывался, проверяя, не отстал ли парнишка.

— Держится, — негромко произнёс Барг, перехватив его взгляд. — Не отстанет.

Арис кивнул.

Орн, шагавший рядом с Треем в центре построения, негромко произнёс:

— Я рад, что ты согласился уйти. Это правильное решение.

Трей отмахнулся.

— Не обольщайся. Дело не в твоих уговорах. Просто в последнее время Пехота сменила тактику. Часть группы задерживает отряд, а остальные собирают бродячих. Пададьщики, Крикуны, может, даже Архи-пададьщик — смотря сколько у них времени. Если эти двое уже побежали за подкреплением, то через полчаса здесь будет целая орда.

Орн помрачнел.

— Думаешь, побежали?

— Не знаю. Но рисковать не хочу.

Шли в тишине ещё минут пятнадцать. Лес начал редеть, хитиновые наросты на деревьях стали тоньше, воздух — чуть чище. Арис уже видел впереди просвет — край леса, за которым должно было быть открытое пространство перед лагерем.

И тут сзади донёсся звук.

Рычание. Многоголосое, низкое, утробное. Оно катилось по лесу, отражаясь от стволов, и с каждым мгновением становилось громче. А потом к рычанию добавился другой звук — топот. Много лап, много тел, бегущих за ними.

Трей выругался — длинно, грязно, с чувством.

— Всё-таки побежали, — процедил он. — Это Падальщики. Судя по звуку, не меньше дюжины, и Пехотинцы.

— Поднажать! — скомандовал Орн. — Бегом!

Колонны перешли на бег. Арис бежал, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, как лёгкие горят от дыхания через фильтр. Рядом бежал Барг. Лин в хвосте колонны перебирал ногами изо всех сил.

Орн на бегу крикнул в рацию:

— База, это Орн. Группа возвращается. Имеем потери. За нами хвост — Падальщики и Пехотинцы. Запрашиваю огневую поддержку на подходе к лагерю.

Рация затрещала помехами, потом сквозь шум пробился голос:

— Принято, Орн. Готовим встречу. Сколько вас?

— Тридцать четыре плюс четыре двухсотых и один трёхсотый. Выходим к восточному сектору. Расчётное время — пять минут.

— Принято. Ждите.

Рычание за спиной становилось громче. Топот — ближе. Арис обернулся на бегу и увидел их. В тридцати метрах позади, между деревьями, мелькали тени. Маленькие, юркие — Падальщики, покрытые хитином и бубонными волдырями, из которых сочились светящаяся жидкость. Их жёлтые глаза горели в полумраке леса, как болотные огни. А за ними, чуть дальше, двигались четыре высоких силуэта — Пехотинцы. Они бежали, не отставая, и один из них вскинул руку.

— Пригнись! — крикнул кто-то.

Отростки просвистели над головами и ударили в стволы деревьев. Один попал в землю у самых ног Дюна. Браконьер споткнулся, но удержался на ногах и побежал дальше.

— Не останавливаться! — рявкнул Трей. — Бегом!

Деревья расступились. Впереди открылось пространство — голая, мёртвая земля, отделяющая лес от стен лагеря. До ворот было метров триста.

— Ещё немного! — крикнул Орн. — Держимся!

Колонны выбежали из леса на открытое место. Позади, из-за деревьев, вырвались Падальщики — дюжина мелких тварей, покрытых хитином и бубонами. Их жёлтые глаза горели, пасти были оскалены, обнажая игольчатые зубы. За ними вышли четыре Пехотинца — высокие, массивные, с поднятыми для стрельбы руками.

И в этот момент со стен лагеря ударили.

Тяжёлые пулемёты заговорили — глухо, размеренно, выплёвывая длинные очереди. Первые ряды Падальщиков буквально разорвало на куски. Хитиновая броня не спасала — крупнокалиберные пули пробивали её насквозь, превращая тварей в фонтаны ихора и ошмётков плоти.

Три Пехотинца рухнули сразу, четвёртый попытался развернуться и уйти обратно в лес, но пулемётная очередь догнала его и разорвала в клочья.

Колонны продолжали бежать к воротам. Позади ещё несколько Падальщиков вырвались из леса, но пулемёты косили их одного за другим. Последняя тварь, самая крупная, покрытая особенно толстым слоем хитина, пробежала метров пятьдесят, прежде чем сразу три пулемёта сосредоточили огонь на ней. Падальщик взорвался фонтаном ихора и рухнул, проехавшись по мёртвой земле.

Герметичные ворота с шипением разомкнулись. Колонны вбежали в шлюз. Как только последний боец пересёк порог, ворота начали закрываться. Снаружи ещё гремели выстрелы, но уже тише — пулемётчики добивали остатки стаи.

Внутри шлюза, в тусклом свете ламп, люди падали на колени, срывали маски, хватали ртом воздух. Пахло карболкой, потом, кровью и смертью. Лин, добежав до стены, сполз по ней на пол и закрыл глаза. Его грудь вздымалась часто-часто. Мик, согнувшись, упёр руки в колени и тяжело дышал, не в силах вымолвить ни слова. Барг стоял, привалившись к стене.

Арис стянул шлем и вдохнул полной грудью. Воздух был спёртым, но после Зоны он казался сладким.

Тела погибших — Жака, Мела, Виска, Силка — опустили на пол.

Тобба, раненого в плечо, уложили рядом. Он всё ещё был без сознания, но дышал — хрипло, поверхностно.

Трей стоял посреди шлюза, глядя на тела своих бойцов. Его лицо ничего не выражало. Лишь глаза отражали ту ярость, что бушевала в нём сейчас. Орни подошёл к нему и молча положил руку на плечо. Трей не ответил.

Сержант с лицом печёного яблока появился в дверях шлюза и, оценив обстановку, рявкнул:

— Раненых в лазарет. Остальным — в казарму. Живо!

Арис поднялся, помог подняться Лину. Парнишка дрожал. Он посмотрел на Ариса, и в его глазах было что-то новое. Не страх. Не обречённость. Что-то жёсткое, закалённое.

Учебная вылазка закончилась. Но Арис понимал: это был только первый раз. И далеко не все из тех, кто вышел сегодня утром за ворота, стояли сейчас на ногах.

Глава 5

Сержант с лицом печёного яблока вывел их из шлюза и повёл через лагерь. Шли молча, опустошённые, каждый шаг отдавался в затёкших мышцах тупой болью. Арис чувствовал, как усталость наваливается свинцовой плитой, но продолжал переставлять ноги — армейская привычка, вьёвшаяся в позвоночник, не позволяла расслабиться раньше времени.

Их привели к складу — длинному бетонному барaku с узкими окнами, забранными решётками. Внутри пахло смазкой и металлом. Рекруты выстроились у стола. Сержант молча указал на ящики для патронов.

Арис выложил два магазина — один пустой, во втором оставалось восемь патронов. Тесак лёг рядом. Барг выложил автомат и один магазин с пятью патронами. Остальные выкладывали кто что — у большинства магазины были пусты. Сержант пересчитал боеприпасы, записал что-то в планшет и кивнул.

— За мной. В казарму.

Казарма встретила их ярким светом дневных ламп. За время их вылазки в казарме ничего не изменилось, зато изменились они. Все стали разбредаться к своим койкам, но сержант приказал построиться на взлётке.

Рекруты выстроились в неровную шеренгу. Понурые. Уставшие. С потухшими глазами. Комбинезоны были покрыты хитиновой крошкой, на керамических вставках темнела копоть от огнёмётов. У некоторых на ткани запеклась кровь — чужая, тех, кого несли.

Мик стоял, понунив голову, и даже его новенькие зубы были плотно сжаты. Он то и дело проводил языком по дёснам — привычка, появившаяся после того, как ему вставили челюсть. Лин покачивался с носков на пятки, но держался. Его лицо осунулось, глаза ввалились, это был уже не тот парнишка, которого Арис видел в грузовике. Да и Дворняжкой его уже не назовёшь. Барг стоял практически ровно, лишь слегка сгорбленная спина выдавала, что ему так же нелегко.

— Смирно, вольно, — скомандовал сержант.

Он подошёл к первому в строю — Ларсу, низкому щуплому вору-форточнику, — и начал растёгивать ошейник. Металлическая полоска с глухим стуком упала в подставленный ящик. Ларс невольно потёр шею. Сержант перешёл к следующему.

Арис ждал своей очереди, глядя перед собой. Он совсем забыл, что на шее у них всех установлены заряды. Холодное кольцо на шее стало почти привычным за эти часы. Сержант подошёл и разомкнул ошейник. Арис потёр кожу — там, где весь день давил металл, остался красный след.

Когда последний ошейник упал в ящик, сержант отставил его в сторону и снова повернулся к строю.

— А теперь раздеваемся до исподнего. Всё снаряжение сложить перед собой. Живо.

Рекруты зашевелились. Застёжки комбинезонов щёлкали одна за другой. Кто-то поморщился от боли в затёкших мышцах, кто-то тихо выругался. Арис стянул защитный костюм, ощущая, как прохладный воздух казармы касается разгорячённой кожи. Мышцы ныли, на плече темнел синяк — кажется, он врезался в дерево, или отросток зацепил рикошетом. В тот момент он этого не заметил.

Мик, стаскивая комбинезон, негромко пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Дальше что?

Никто не ответил. Все стояли молча.

Мик не выдержал:

— Сержант, нам долго так стоять?

— Ждём лейтенанта, — сказал сержант спокойно.

Прошло около десяти минут. Дверь казармы отворилась, и вошёл лейтенант Орн. Он тоже снял боевое снаряжение и теперь был в стандартной серой форме, но лицо оставалось всё тем же — бесстрастным, усталым, с холодным блеском в глазах. Орн остановился перед строем и обвёл рекрутов взглядом.

— Внимание. Приготовиться к осмотру. Снять исподнее.

Тишина стала гуще. Кто-то неверяще переспросил шёпотом. Мик, стоявший во втором ряду, негромко, но отчётливо пожаловался:

— Да какого хера, лейтенант? Зачем это нужно?

Сержант шагнул вперёд и ответил вместо Орна. Его голос прозвучал буднично, словно он объяснял прописную истину:

— Это обязательная процедура. На теле могут быть ранения, которые вы не заметили — в горячке боя такое случается. Но самое главное — заражения. Споры, желчь, ихор. Если кто-то пронёс заразу, под угрозой окажется весь лагерь. Понятно?

Мик нахмурился, но промолчал. Его кадык дёрнулся, когда он сглотнул.

— Снять исподнее, — повторил Орн.

Рекруты неохотно подчинились. Арис стянул исподнее и выпрямился, глядя перед собой. Для некоторых приказ Орна оказался сложнее, чем вылазка в Зону. Лин покраснел до корней волос и стоял, втянув голову в плечи. Кто-то прикрывался руками.

Сержант и лейтенант прошли вдоль строя — быстро, методично. Задерживались на ссадинах, синяках, проверяли лимфоузлы, заставляли поворачиваться. Сержант осмотрел синяк на плече Ариса, хмыкнул и двинулся дальше. Орн проверил спину Дойна, на которой темнели старые шрамы, и ничего не сказал. Осмотр прошёл буднично, благо быстро.

— Чисто, — произнёс Орн, закончив. — Одевайтесь. Теперь проверьте снаряжение на предмет повреждений. Если есть дыры, разрывы, трещины в керамике — доложить сержанту. Потом привести себя в порядок. Через два часа ужин. После ужина — баня. Вопросы?

Дойн, уже натянувший исподнее, поднял руку.

— Лейтенант. Как Тобб?

Орн посмотрел на него. Его лицо на мгновение утратило часть своей обычной жёсткости.

— Его доставили в медчасть. Ранение плеча, задета кость, но жизненно важные органы не пострадали. Прогноз благоприятный. Скорее всего, с ним всё будет хорошо.

Дойн кивнул, и в его морщинистом лице что-то едва заметно расслабилось. Лейтенант кивнул сержанту, и оба вышли. Дверь закрылась.

В казарме повисла тишина. Тяжёлая, вязкая, пропитанная усталостью и невысказанными мыслями. Рекруты стояли у своих коек — кто-то уже начал проверять снаряжение, кто-то просто сидел, глядя в одну точку. Арис поднял свой комбинезон и начал осматривать швы — привычка, которую он приобрёл во время кампании на Северном Фронтире.

Барг, сидевший на краю своей койки, нарушил молчание первым. Его голос прозвучал негромко, но в тишине казармы его слышали все:

— Главное, чтоб с Тоббом не было так же хорошо, как с Арчем.

Мик, стоявший у своего шкафчика, резко обернулся. Его лицо, ещё недавно понурое, исказилось вспышкой ярости.

— Заткни свой поганый рот, Барг.

Барг медленно поднял голову. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах зажёгся опасный огонёк. Он смотрел на Мика с немалой толикой превосходства. Барг понимал, что его навыки и вес в отряде выше, чем у мелкого преступника, которым, по-видимому, был Беззубый Мик.

— А кто его мне закроет? Ты, что ли? — произнёс он, растягивая слова.

— Я, — произнёс Мик, и его голос дрожал от ярости. Он шагнул вперёд, сжимая кулаки. — Я его тебе закрою. Так закрою, что ты больше вообще не откроешь.

Барг поднялся с койки — не спеша, с холодной, расчётливой грацией. Но Ариса его движения не обманули, тело Барга сжималось как пружина, чтобы в нужный момент распрямиться и уничтожить Мика. Он больше не сказал ни слова, но всё его тело говорило: «Ну давай. Попробуй».

Они начали сходитьсь. Мика трясло от ярости. В то же время Барг сближался — молча, с холодной сосредоточенностью. Но остальные уже повскакивали с мест. Клин, кряжистый кузнец, обхватил Мика поперёк туловища и оттащил назад. Торм, молчаливый гигант, без видимых усилий удержал Барга за плечи. Оба рвались из захватов, рыча и осыпая друг друга проклятиями.

— Пусти! — орал Мик. — Я ему покажу! Пусти, я сказал!

Барг молча вырывался, его глаза были холодны и опасны. Он не кричал — он ждал. И это было страшнее любых слов.

— Хватит! — рявкнул Арис.

Голос бывшего капитана ударил по помещению, как выстрел. Тот самый голос, которым отдают приказы перед боем. Оба замерли. Повернулись к нему.

— Ты что свою вяжалку разявил? — огрызнулся Мик. Его лицо было красным, на лбу вздулась вена.

— Не тебе приказывать, — сказал Барг, всё ещё в захвате Торма. — Ты здесь никто. Пустое место.

Арис шагнул к ним, спокойный, как скала. Он не повысил голоса, но каждое его слово было отчётливым, как удар молотка по наковальне.

— Плохо вы сегодня сражались. Если у вас ещё остались силы драться друг с другом — значит, на поле боя вы схлестнулись.

Оба дёрнулись в его сторону. Мик рванулся из захвата Клина, Барг сделал шаг вперёд, но Торм держал его крепко. Они оба были готовы броситься на Ариса, но их всё так же удерживали.

Арис смотрел на них по очереди. Потом произнёс — всё тем же спокойным, командным голосом:

— Если хотите подраться — деритесь со мной. По очереди.

Мик тут же выкрикнул:

— Давай!

Барг, всё ещё тяжело дыша, но уже подавляя гнев, поднял голову и посмотрел на Ариса. В его глазах что-то изменилось — ярость уступала место чему-то другому. Расчёту. Он выдохнул, и напряжение в его плечах немного спало.

— Нет, — произнёс он. — С тобой мне делить пока нечего.

Арис внимательно посмотрел ему в глаза. Увидел там что-то — не страх, не злобу, а скорее холодную, выверенную оценку. Барг не боялся его. Словно он знал, что при необходимости без проблем даст бой Арису.

Арис перевёл взгляд на Мика. В глазах Безубого плескался страх, смешанный с яростью. Чистый, незамутнённый ужас перед тем, что случилось сегодня. Перед Зоной. Перед смертью. Перед тем, что в будущем всё это повторится. Арис понял: так Мик пытается справиться с произошедшим. Выплеснуть то, что скопилось внутри. Ему нужно было что-то сделать, чтобы не сойти с ума.

Арис посмотрел на того, кто держал Мика, и кивнул.

Клин разжал руки.

Мик бросился на Ариса, размахивая кулаками. Удары сыпались хаотично — он бил куда попало, выдыхая воздух сквозь сжатые зубы. Арис выставил блок, прикрывая голову руками. Локти плотно прижаты к корпусу, голова убрана в плечи. А Мик молотил снова и снова. Арис

принимал удары, пропускал их мимо, уворачивался, принимал на выставленные в блок руки. Он не отвечал. Он ждал.

Остальные расступились, образовав круг. Лин стоял, прижавшись к своей койке, и смотрел расширенными глазами. Барг скрестил руки на груди и наблюдал с непроницаемым лицом. Кли́н, отпустивший Мика, отошёл на шаг, готовый снова вмешаться.

Мик начал выдыхаться. Его удары стали медленнее, слабее. Дыхание сбилось, лицо покрылось потом. Он всё ещё бил, но теперь это были не удары — скорее, судорожные взмахи. Ярость уходила, оставляя только пустоту.

И тогда Арис сделал шаг вперёд.

Один короткий, точный удар — кулак вошёл Мику под дых. Сильно, и точно в нужное место. Мик сложился пополам, хватая ртом воздух, и рухнул на колени. Потом завалился на бок.

— Ты... — прохрипел он, лёжа на бетонном полу. — Ты, чёрт тебя...

Арис ничего не ответил. Он стоял над ним, тяжело дыша, но не от усталости, а от напряжения, которое наконец отпустило.

Мик лежал несколько секунд, потом перевернулся на спину и уставился в потолок. Его грудь вздымалась часто-часто. Ярость ушла.

— Я полежу, — произнёс он неожиданно спокойно. — Просто полежу.

Он поднялся, шатаясь, и доплёлся до ближайшей шконки. Рухнул на неё лицом вниз. Несколько мгновений он лежал неподвижно, потом его плечи едва заметно дрогнули — то ли от смеха, то ли от того, что сегодняшний день наконец догнал его.

Арис посмотрел на него, потом перевёл взгляд на остальных. Уставшие. Подавленные. Потерянные. Каждый со своей болью, со своим прошлым, со своим страхом. И он понял то, чего не хотел понимать. Как бы он ни хотел остаться в стороне, теперь его жизнь зависит от этих людей. И их жизнь — от него. Хочет он того или нет — придётся превратить этот сброд в нечто, похожее на подразделение. Офицеры, конечно, офицерами, но без лидеров на местах это не работает.

Он поднял голову и заговорил. Голос звучал ровно, буднично — словно он читал утренний рапорт.

— У Тобба ранение в плечо. Через неделю будет как новенький. Имперские медики лечили ранения и пострашнее.

Лин, стоявший у своей койки, поднял голову. Его голос был тихим, но в тишине казармы его слышали все.

— А как же Арч? Арча же они не вылечили. А тело использовали как приманку.

Рейн, бывший лекарь, стоявший у своей койки, качнул головой. Его сутулая фигура, казалось, стала ещё более сутулой.

— Это абсолютно разные ситуации. Ранение плеча, если не задеты крупные сосуды и нервы, лечится хорошо. Кость срастётся, мышцы заживут. А вот с лёгкими — тут как повезёт. Если дошло до кровавого кашля — дело плохо. Арча не вылечили, потому что не смогли. Такое случается.

— Санитарный Корпус просто использовал те ресурсы, что у него есть, рационально, — произнёс Арис. — Я с этим не согласен. Но война есть война.

Все ненадолго замолчали, погружившись в воспоминания.

— Я напомню вам, что нас не бросили в Зоне. А постарались вернуть, — продолжил Арис. — Мы ресурс, который они не будут попусту разбазаривать. Мы нужны им.

— Ага, нужны. Только в роли мясного щита, — съязвил Барг.

Стриж, до этого молча сидевший на своей койке, вдруг вскинулся. Его лицо было красным, глаза блестели от подступающих слёз.

— Какого чёрта ты защищаешь этих ублюдков, Арис?! Из-за них погиб Виск! Если бы не Трей и его приказы, Виск был бы жив!

Арис посмотрел на него спокойно, без вызова.

— Я ничьим адвокатом не нанимался. Я не защищаю — я объясняю, как устроен мир. То, что Виск погиб, — такое на войне случается.

Он сделал паузу, не сказав вслух того, что подумал: «И он сам виноват — сначала в том, что попал сюда, а потом в том, что устроил панику». Но эта мысль осталась внутри, за плотно сжатыми губами.

— И как я уже говорил, — продолжил Арис, — скорее всего, такое случится ещё не раз. Теперь мы видели хотя бы небольшую часть того, что нас ждёт. Если мы останемся сворой одиночек — всех нас съедят. Рабочие, Падальщики, Пехота — кто угодно. Да, мы в дерьме по пояс. Но стоит ли закапываться ещё глубже?

С койки, не поднимая головы от матраса, раздался глухой голос Мика:

— Они надели нам на шеи бомбы, чёрт подери.

Арис повернулся к нему.

— А ты бы на их месте пошёл без подстраховки? В Зону? С толпой уголовников, у которых в руках автоматы?

Мик ничего не ответил.

Тишина затянулась. Барг, сидевший на краю своей койки, поднял голову и посмотрел на Ариса долгим, оценивающим взглядом. В этом взгляде было что-то новое — не просто холодное наблюдение, а расчёт. Старый ветеран что-то прикидывал, взвешивал.

— Так что ты предлагаешь, капитан?

Арис замер. В казарме стало тихо. Очень тихо. Даже Мик, лежавший на койке, приподнял голову.

— Откуда ты знаешь, что я капитан? — спросил Арис, и его голос прозвучал жёстче, чем он хотел.

Барг усмехнулся. Его усмешка была кривой, но в ней не было насмешки.

— А кто из армейских не знает капитана Ариса Корво?

Рэт, рыжий верзила с наколками на костяшках пальцев, который до этого молча слушал, сидя на своей койке, вдруг подался вперёд.

— Ты — Арис Корво?

Арис кивнул.

Рэт присвистнул.

— Вот это встреча, капитан.

Мик сел на койке и уставился на Ариса, потом на Рэта, потом снова на Ариса. Его лицо выражало крайнюю степень недоумения.

— Может, вы нам всем объясните, о чём речь?

Рэт повернулся к нему. Его голос прозвучал почти торжественно:

— Ты, возможно, слышал о нём под другим именем. Молот Империи.

Мик уставился на Ариса. Его глаза расширились. Он открыл рот, закрыл, потом присвистнул — на этот раз уважительно.

— Так ты же любимец императора. Что ты тут забыл?

— Любовь императора быстра и скоротечна, — произнёс Арис ровно.

Барг прервал его, подняв руку.

— Это можно отложить на потом. Скоро ужин. — Он снова посмотрел на Ариса. — Так что ты предлагаешь, капитан?

Арис обвёл взглядом казарму. Двадцать с лишним человек. Уставшие. Напуганные. Злые. Но живые.

— Стандартное для такого положения, — произнёс он. — Не бросаться друг на друга по любому поводу. Если хочется помахаться — спокойно вышли и подрались. Не подличать друг другу. По мере возможности — помогать. И помнить, что мы делаем одно дело и от каждого может зависеть жизнь всей группы.

Барг кивнул.

— Добро.

Арис покачал головой.

— Это должны решить все.

Недолгое молчание. Первым подал голос Дойн — старик сидел на своей койке, растирая больное колено.

— Я — за.

Лин кивнул, не поднимая глаз. Кли́н пожал плечами и буркнул: «Ладно». Рейн согласился. Грот кивнул — молча, как всегда. Торм скрестил руки на груди, что, видимо, означало согласие. Близнецы Вейл и Нейл переглянулись и синхронно кивнули. Остальные, один за другим, выразили согласие — кто словами, кто жестом. Мик всё ещё сидел на койке, глядя в пол, но и он в конце концов кивнул. Стриж промолчал, но не возражал.

Дойн откашлялся.

— Может, тогда Арис будет нашим негласным командиром, раз он бывший капитан?

Арис про себя подумал: «К чёрту мне это нужно». Он не хотел командовать. Не хотел брать на себя ответственность за этих людей. Но он знал: без командира они не продержатся. Вслух же сказал:

— Если все согласны.

Размышления на этот раз заняли больше времени. Люди переглядывались, кто-то тихо перешёптывался. Но в итоге почти все — кроме Мика и Стрижа, которые промолчали, — согласились.

Арис тяжело вздохнул. Он чувствовал груз, который только что взвалил на плечи. Но выбора не было.

— У нас не так много времени. Проверить снаряжение. Скоро ужин. После — мыться.

Все разбрелись по своим местам. Рекруты разбирали комбинезоны, проверяли швы, ощупывали керамические вставки. Где-то треснула пластина — Ларс, низкий вор-форточник, чертыхнулся и понёс комбинезон к сержанту. Остальные работали молча.

Барг задержался. Он подошёл к Арису и встал так, чтобы их разговор не был слышен остальным. Его глаза смотрели прямо — холодные, цепкие.

— Я не стал разгонять про измену, — произнёс он негромко. В его голосе звучала угроза — тихая, но отчётливая, как звон натянутой тетивы. — Потому что не знаю, что там было. Но надеюсь, ты нас не предашь. И я думаю, ты понимаешь, что командир ты на птичьих правах.

Он развернулся и пошёл к своей койке.

Арис остался стоять, глядя ему вслед. Он не сказал ни слова. Да и что тут было говорить? Он всё это знал и так.

Глава 6

Подъём объявили без опозданий. Для рекрутов это серое, изматывающее утро уже становилось привычной рутиной. Арис поднимался тяжело. События вчерашнего дня отзывались болью в каждой мышце, в каждой косточке.

Рядом возился Лин. Он натягивал форму на автомате, с выражением глубокого страдания на лице. Мик поднимался с криком, держась за живот. Точный удар Ариса под дых всё ещё напоминал о себе. Безубый бросил угрюмый взгляд в сторону бывшего капитана, но промолчал, лишь смачно сплюнув на бетонный пол, и принялся натягивать форму.

Затем были умывание и зарядка. Сержанты гоняли их без жалости, но теперь Арис замечал, что даже самые слабые, такие как Лин, Ларс, Дюн, стали держаться лучше. Не идеально, но лучше. Страх перед Зоной, пережитый два дня назад, словно перековал их. Они всё ещё боялись, но этот страх превратился в угрюмую решимость.

В столовой кормили всё так же обильно. Ели молча, быстро, без обычных перебранок. Арис сидел за тем же столом, что и всегда, — Дойн рядом, Барг напротив, Лин с краю. Мик, поколебавшись, тоже сел за их стол, хотя Арис думал, что тот будет держаться в стороне.

После завтрака лейтенант Орн построил роту на плацу. Небо над куполом наливалось грязно-жёлтым с красными вкрапинками рассвета. Из-за горизонта донёсся низкий, давящий на барабанные перепонки гул дыхания Мёртвого Бога.

— Стоять смирно, — скомандовал Орн, и строй замер.

К плацу приближалась знакомая фигура — невысокая, жилистая, с неизменным стеком в руке. Полковник Деклан. Его лицо, как всегда, было бесстрастным, а расширенные зрачки, казалось, видели больше, чем может видеть обычный человек. «Божья слеза» поблёскивала в уголках глаз, и полковник время от времени смахивал её тыльной стороной ладони.

Деклан остановился перед строем. Тишина стала такой глубокой, что было слышно, как потрескивает силовое поле купола. Он обвёл рекрутов долгим, изучающим взглядом, и в этом взгляде была только холодная оценка. Оценка мастера, осматривающего инструмент перед работой.

— Рекруты Шестого Санитарного батальона. Вы вернулись из своей первой вылазки, и это уже неплохое достижение, — заговорил он. Его голос был спокойным, почти ласковым, и от этого спокойствия по спине пробегал холодок. — Я прочитал отчёты. Лейтенант Орн и старший лейтенант Трей предоставили подробные рапорты. И должен сказать: я раздосадован.

Он сделал паузу. Ветер шелестел хитиновыми наростами на деревьях за куполом, и этот звук казался единственным ответом.

— Бойцы из двадцать седьмого понесли потери, которых не должно было быть. Но это не ваша вина. Вашей виной является то, что большая часть из вас запаниковала. Начав стрелять, вы привлекли к группе внимание. Зачинщик мёртв, но это не снимает с вас вины.

Деклан прошёлся вдоль строя, остановился напротив Мика, но смотрел не на него, а куда-то поверх голов.

— Я понимаю, что страх — это сильный враг. Особенно для тех, кто ещё не научился с ним справляться. Поэтому я спишу вчерашнюю панику на желание выжить. Но от него необходимо избавиться.

Он повысил голос, и в этом голосе зазвенел металл.

— Лейтенант Орн, приказываю Вам завтра выступить с данными бойцами на вылазку. Лицо лейтенанта перекошилось.

— Есть выступить на вылазку, — ответил он ровным голосом.

— Подробности задания я озвучу Вам на вечернем брифинге, — продолжил он всё тем же тоном. — Я жду, что в завтрашней вылазке никто из вас не откроет огонь без причины. Я

лично прослежу за судьбой тех, кто нарушит мой приказ. Вы — ценный ресурс Империи. Но даже самый ценный ресурс можно списать, если он бесполезен.

Деклан снова обвёл строй взглядом.

— Я надеюсь, что вы станете эффективными солдатами. Что вы докажете свою верность Санитарному Корпусу делом, а не словом. И когда вы это сделаете, то, возможно, вы заслужите право выходить в Зону без ошейников. Свободными. На равных с остальными бойцами.

Он помолчал, словно давая им осмыслить сказанное.

— Сегодня вечером, после ужина, состоится церемония прощания с погибшими. Они ваши, лейтенант.

Он развернулся, чтобы уйти, но остановился и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— *Purgatio Invicta*.

Строй нестройно ответил — кто-то промолчал, кто-то прошептал незнакомые слова.

Деклан ушёл. Орн скомандовал:

— В учебный корпус. Бегом.

Рекруты расселись по местам в пустой аудитории. Капитана Роз ещё не было, и томительное ожидание затягивалось. Стриж, весь день бывший на взводе, не выдержал. Он резко вскочил, повернулся к Арису и выдохнул, брызгая слюной от ярости:

— Ты и теперь будешь защищать этих ублюдков?! Эта тварь Деклан просто решил нас угробить! Да и эти упыри-лейтенанты... свалили всю вину на нас, чтобы прикрыть свои задницы.

Он зло уставился на Ариса, тяжело дыша. В классе повисла звенящая тишина.

— Каких слов ты от меня ждёшь? — произнёс Арис. — Я с тобой согласен. Нас бросают на убой.

— Повторная вылазка необученных смертников... Может, ты просто не нравишься полковнику, Корво? — с ехидством подал голос Мик. — Если так, может, сделаешь одолжение? Упадёшь пару раз головой об угол шконки? Или в луже утопишься, а? Чтобы нас из-за тебя не сожрали те твари.

— Не думаю, что дело в Арисе, — подал голос Дойн со своего места.

— Это почему же? — Мик круто развернулся к старику.

— Я соглашусь с Дойном, — вмешался Барг. Ветеран сидел, откинувшись на спинку стула. — Дело не в капитане. Дело в самом полковнике и в том, как устроен этот чёртов Корпус. Полковнику нужны крепкие игрушки. Стойкие оловянные солдатики. И он по старинке решил выковать нас в горниле. Что предложишь, Корво? — Барг перевёл взгляд на Ариса.

— Слишком мало времени для манёвра. Но одно могу сказать точно: завтра нам понадобится гораздо больше сил. Необходимо раздобыть еды сверх того сухпайка, что выдадут перед выходом.

Барг понимающе прищурился и повернулся к Стрижу:

— Стриж, организуешь? — обратился Барг к вору.

Вор молча, угрюмо кивнул.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в класс вошла капитан Роз. Рекруты синхронно встали.

— Остальное обсудим вечером, — едва слышно бросил Арис.

— Садитесь, — Роз прошла к кафедре, небрежно бросив на стол планшет. — Поздравляю с боевым крещением. Вы пережили первый контакт, а это для штрафников уже достижение.

Она сделала паузу, методично обводя аудиторию холодным взглядом серых глаз.

— Сегодня мы поговорим о том, что на самом деле убивает в Зоне. И нет, это не монстры. Монстры — лишь самая очевидная, заметная опасность. Настоящий враг — сама Зона. Её природа. И полное отсутствие привычных ресурсов.

Она резко ткнула указкой в топографическую карту на стене.

— Вы были на ближайшей территории, в периферийной зоне зачистки. Там ещё встречаются заблудшие мутанты: Рабочие, Падальщики, иногда Пехота. Но их немного. Основная масса угроз находится глубже. Чем дальше от лагеря, тем опаснее. Но даже здесь, рядом с базой, вас может убить не тварь, а обычная жажда.

Указка переместилась на детальную схему армейской фляги.

— Вода. Первейшая потребность. В городах и посёлках на ничейной земле существуют станции, добывающие влагу из воздуха. У каждого солдата Санитарного Корпуса есть фляга с аналогичной технологией. Она собирает конденсат из атмосферы, фильтрует его через многослойную мембрану и выдаёт пригодную для питья воду. Медленно, но достаточно для одного человека. Если фляга выходит из строя, воду можно опреснить при помощи специальных реагентов, которые есть в каждом комплекте. Но запомните: использование реагентов — это крайняя мера. Они несовершенны. При длительном употреблении обработанной воды вероятность мутаций возрастает в разы.

Она перешла к следующему пункту.

— Пища. Всем выдаются сухие пайки. Расходовать их нужно экономно. В долгих рейдах, когда пайки заканчиваются, альтернативой может служить мясо Падальщиков. Да, вы не ослышались. Мясо Падальщиков после соответствующей химической обработки и термической прожарки становится съедобным. Не вкусным. Не питательным в полной мере. Но достаточным, чтобы поддерживать силы. Обработка включает вымачивание в щёлочи и трёхкратное кипячение. Запомните это. Возможно, однажды это спасёт вам жизнь.

Кто-то в аудитории сдавленно хмыкнул. Роз не обратила внимания.

— Теперь — самое важное. Споры. — Она открыла один из стоявших на полу контейнеров и извлекла оттуда прозрачную герметичную банку. Внутри, прикрепившись к куску обугленной коры, сидел бледно-жёлтый цветок. Он напоминал орхидею, но с толстыми, мясистыми, сочащимися мутной слизью лепестками. — Это споронос. Он паразитирует на деревьях, полностью покрытых хитином. Цветок серного цвета, активно выбрасывает миллионы микроспор при малейшем колебании воздуха. Споры забивают фильтры масок, оседают на незащищённой коже, проникают в лёгкие. Последствия — от стремительной лёгочной недостаточности до полного окостенения мягких тканей. Если увидите такое дерево — не приближаться. Немедленно докладывать командованию. Очаг заражения в радиусе двадцати метров должен быть выжжен дотла. Огнёмётами. Без компромиссов.

Она убрала банку и достала из другого контейнера несколько фотографических пластин — тех самых, чёрно-белых, зернистых.

— А теперь посмотрите на последствия заражений.

Роз пустила снимки по рядам.

— Это рекрут, пренебрегший регламентом проверки фильтра. Это сержант, поленившийся проверить герметизацию стыков костюма. А это — абориген с Ничейной Земли, который умудрился прожить без защиты три года.

На снимках были люди — вернее, то, что от них осталось. Вздувшиеся конечности, покрытые хитиновыми наростами лица, пустые глазницы, затянутые жёлтой плёнкой. Один из снимков изображал спину человека, на которой сквозь кожу проросли те самые соты, что покрывали тело Мёртвого Бога.

Арис смотрел на эти снимки и чувствовал, как внутри что-то холодеет. Он видел многое на Северном Фронтире — раны, ожоги, обморожения, — но это было другое. Это было медленное, неотвратимое превращение человека в нечто иное. В часть Зоны.

— На сегодня всё, — закончила Роз. — Вопросы?

Вопросов не было. Все молчали, переваривая увиденное.

На обеде ели без аппетита. Даже Мик, всегда готовый съесть лишнюю порцию, ковырялся в каше. Мысли о спорах и заражении не оставляли никого.

Сразу после обеда роту снова выгнали на плац. Вышедший к ним лейтенант Орн сухо объявил:

— С учётом завтрашнего боевого выхода мы проводим профильную специализацию отряда. С этой минуты вы перестаёте быть безликой массой уголовников. Вы — костяк формирующегося тридцать четвёртой роты. Часть бойцов будет переведена на восполнение потерь в другие подразделения батальона, оставшиеся составят основу новой единицы. Решение о распределении ролей принято мной и капитаном Роз на основе ваших личных дел и результатов первой вылазки. И да, вам вернули имена. — Он достал планшет и зачитал: — Группа прикрытия и снайперы: Барг, Рэт. Огнемётная команда: Флейм, Клин. Группа разведки: Вейл, Нейл, Лин и Дюн. Тяжёлая пехота, щитonosцы: Грот, Торм. Полевой медик: Рейн. Остальные — линейные стрелки. Командир взвода — я. Заместитель командира — Арис.

Арис услышал своё имя и мысленно усмехнулся.

— Распределение окончательное, — закончил Орн. — Вопросы?

Тишина. Каждый понимал, что спорить бесполезно. Барг, назначенный снайпером, лишь крепче сжал челюсти и едва заметно кивнул — старый солдат одобрял выбор оружия. Лин, угодивший в разведку, заметно побледнел, но выпрямился, стараясь не выказать страха. Молчаливый великан Торм просто скрестил руки на груди, принимая судьбу щитonosца. А бывший полковой лекарь Рейн тихо, облегчённо выдохнул — его вернули к единственному делу, которое он действительно умел делать хорошо.

Оставшуюся часть дня они провели в изнурительных тренировках по новым специальностям. Барг и Рэт ушли на стрельбище с сержантом-инструктором. Флейма и Клина заставили собирать и разбирать тяжёлые ранцевые огнемёты, заправляя их едкой учебной смесью. Вейл, Нейл, Лин и Дюн отрабатывали скрытное перемещение по полосе препятствий.

Арис остался с бойцами. Он гонял их по плацу до темноты, отрабатывая перестроения, входы и выходы из помещений, прикрытие друг друга. Он физически ощущал, как этот разношёрстный сброд воров и убийц медленно, скрежеща, начинает притираться друг к другу. Ещё не монолитная армейская коробка, но уже не трусливое стадо.

Вечером, сразу после ужина, прозвучала команда на построение. Оружие брать запретили, но приказали надеть полную защитную экипировку, включая маски. Сержант с лицом печёного яблока вывел взвод через внутренний шлюз к выходу номер три.

За массивными гермоворотами, на узком пятачке голой земли, полностью выжженной и очищенной от малейших признаков растительности, уже ждали офицеры. Полковник Деклан стоял в центре группы, заложив руки за спину. Рядом замерли капитан Роз, лейтенант Орн и трое хмурых сержантов.

Чуть в стороне, заметно покачиваясь, стоял старший лейтенант Трей. Он был мертвецки пьян. В правой руке офицер намертво сжимал горлышко полупустой бутылки тёмного стекла, а левой судорожно держался за металлический столб ограждения, понимая, что без этой опоры просто рухнет в грязь.

Перед ними, на куче хитиновой крошки, были сложены тела. Четыре тела. Жак, Мел, Виск, Силк. Их уложили аккуратно, руки вдоль туловища, глаза закрыты — кто-то позаботился об этом. Рядом стояли двое огнемётчиков из двадцать седьмого взвода. Их оружие было направлено в землю, но клапаны подачи смеси были открыты — они ждали команды.

— *Sanatio per Mortem*, — произнёс Деклан. Его голос разнёсся над площадкой, заглушив даже шум купола.

— *Sanatio per Mortem*, — повторили офицеры.

— *Sanatio per Mortem*, — нестройно донеслось из рядов рекрутов.

Огнемётчики подняли стволы.

Пламя ударило вперёд с гулким, яростным рёвом. Струи жидкого напалма окутали тела в то же мгновение. Огонь взялся жадно, словно голодный хищник, и Арис мгновенно почувство-

вал тошнотворный запах. Даже сквозь плотные угольные фильтры маски пробивался тяжёлый дух горячей человеческой плоти, палёных волос и плавящейся синтетики. Хитиновая подложка под трупами затрещала, лопааясь и стреляя искрами от чудовищной температуры. Огонь был, пожирая останки.

Пропитанная защитная ткань комбинезонов быстро съёжилась и обуглилась, обнажая чернеющие кости. На глазах у строя плоть пузырилась, лопалась и исходила шипящим паром. Один из трупов вдруг резко дёрнулся, приподнимая руку — мышечные волокна неестественно сократились под воздействием сильного жара. Этот предсмертный, судорожный жест мертвеца заставил многих рекрутов отвернуться.

Арис заставил себя смотреть. Он не отводил глаз, наблюдая, как пламя слизывает черты лиц, как обнажаются белые черепа, а обугленные конечности скрючиваются.

Огнемётчики продолжали поливать тела пламенем, пока от них не остались лишь груды обугленных костей и серого пепла.

Деклан молча опустил голову, выдерживая положенную минуту траура. Затем полковник круто развернулся на каблуках и зашагал прочь к командному пункту.

И в этот момент Трей сорвался.

— Вот так, значит?! — его хриплый, заплетающийся голос сорвался на крик. Шатаясь, он сделал три шага к дымящемуся пепелищу, едва не упав. — Вот так просто?! — Он обвёл офицеров мутным взглядом. — И никто даже слова не скажет?

Он обвёл присутствующих мутным, безумным взглядом и яростно ткнул пальцем в спину уходящего полковника:

— Вы! Вы, штабные крысы! Вы гоните нас в Зону, как скот на бойню, а сами сидите под куполом, в тепле! Бумажки свои грёбанные перекладываете! А мы там кровью харкаем! За что?! За Империю вашу?! За Императора?! Да плевать этой Империи на нас, мы для неё — мусор!

Он сделал глоток из бутылки и швырнул её в пепел. Стекло разбилось, жидкость растеклась по обугленным костям.

— И эта Зона... Эта чёртова Зона... И бог ваш мёртвый, чтоб он гнил вечно! Чтоб его черви жрали!..

— Увести его, — произнёс Деклан, не оборачиваясь. — В карцер. До протрезвления.

Двое сержантов шагнули к Трею. Тот попытался вырваться, но не устоял на ногах и рухнул бы лицом в пепел, если бы его не подхватили.

— Руки убрали! — орал он, пока его волокли прочь. — Я офицер! Я сто двадцать семь ходок сделал! Я...

Его голос стих за воротами. Деклан, так и не обернувшись, ушёл следом.

Лейтенант Орн повернулся к замершему взводу и сухо скомандовал:

— Учебная рота, напра-во. В казарму, шагом марш.

Арис шёл в общей колонне, отчётливо понимая, что сладковатый запах горелого человеческого жира въелся в поры его комбинезона и теперь будет преследовать его долго. Он слишком хорошо знал этот запах. На Северном Фронтире тела жгли сотнями после массированных химических атак или зимних прорывов, когда хоронить в промёрзшую землю было невозможно. Но там это была война с осязаемым, понятным врагом. А здесь...

Он вспомнил лицо Трея — пьяное, искажённое яростью и горем. Ветеран, потерявший своих людей. Офицер, которого система перемолола и выплюнула. Арис не испытывал к нему жалости. Только холодное, горькое понимание: однажды он сам может стать таким.

Они вернулись в казарму. Лейтенант Орн сухо напомнил о часе отбоя и покинул расположение, оставив штрафников на попечение дежурного сержанта.

Минуты текли тяжело, вязко. Все разбрелись по койкам. Никто не говорил. Лин сидел, обхватив колени, и смотрел перед собой невидящим взглядом. Дойн растирал суставы, но его

лицо казалось высеченным из камня. Барг, как всегда, сидел на краю койки и смотрел в одну точку.

Через некоторое время со стороны санитарного блока бесшумной тенью проскользнул Стриж. Он просочился в спальный отсек так тихо, словно состоял из одного лишь дыма. Арис, заметив движение, приподнялся на шконке.

— Как успехи? — негромко спросил он, когда вор приблизился.

Стриж воровато оглянулся, перевёл дыхание и ухмыльнулся, хотя глаза его всё ещё блестели от недавнего страха:

— Умыкнул. Двадцать банок армейской тушёнки и другую снедь из столовки. Но сюда всё сразу тащить не стал — мало ли. Припрятал за прачечной. Нужно сходить забрать из схрона, пока патрули на дальнем радиусе.

Арис коротко кивнул Баргу. Они быстро организовали небольшой, надёжный отряд из тех, кто покрепче и потише. За несколько минут обернулись к тайнику и аккуратно перетащили заначку в расположение.

Придя в казарму, добычу быстро распределили между всеми. Заветные банки и галеты исчезали во внутренних карманах комбинезонов, маскируясь под элементы экипировки.

— Прячьте получше, — хмуро бросил Барг, запихивая снедь в вещмешок.

Старый ветеран развернулся, в упор глядя на бывшего капитана:

— Ну а теперь к главному, Корво. Появился у тебя какой-нибудь план? Как из этой петли вылезать думаешь?

Арис обвёл взглядом притихших штрафников. Все смотрели на него с надеждой, страхом и угрюмым ожиданием. Капитан наклонился ближе к товарищам и заговорил, понизив голос до едва различимого шёпота:

— План есть. Нужно, чтобы кто-то из наших бывших воров украл взрыватель у Орна. Без этой штуки имперцы потеряют над нами мгновенный контроль, и мы будем чувствовать себя гораздо спокойнее. А дальше уже станем действовать по обстоятельствам, смотря куда нас погонят.

Стриж и Ларс переглянулись, в их глазах зажёгся чисто профессиональный азарт.

— А вот как именно стащить его у лейтенанта и не попасться, — Арис опустил ладонь на край стола, — я вам сейчас подробно расскажу.

Глава 7

Холодный утренний ветер гнал по плацу мелкую серую пыль, закручивая её в крошечные смерчи у тяжёлых армейских ботинок. Где-то вдалеке, за горизонтом, утробно гудел Мёртвый Бог. Его дыхание ощущалось даже здесь, под защитой купола. Низкий, давящий на барабанные перепонки гул, от которого хотелось втянуть голову в плечи.

Бойцы тридцать четвёртой роты стояли в две шеренги. На них было надето полное защитное обмундирование: усиленные комбинезоны, разгрузочные жилеты с пустыми подсумками. В руках они сжимали оружие.

Сержанты прохаживались вдоль строя, неся в руках знакомые металлические ошейники. Арис смотрел перед собой, когда холодная сталь снова сомкнулась на его шее. Замок защёлкнулся с тихим, окончательным щелчком. Металл коснулся кожи, и по телу пробежала короткая, неприятная дрожь, словно кто-то приложил к горлу ледяной палец.

— Не дёргаться, — буркнул сержант с лицом печёного яблока, застёгивая ошейник на Лине. Парнишка стоял бледный, но спокойный. За эти дни он научился скрывать свой страх. Арис заметил, как кадык Лина дёрнулся, когда металл коснулся кожи, но парень не издал ни звука.

Рядом застёгивали ошейник на Дойне. Старик принял его с тем же молчаливым стоицизмом, что и в первый раз. Барг, стоявший рядом с Арисом, даже не поморщился. Его лицо оставалось каменным. Мик, напротив, тихо выругался, но тут же осёкся под взглядом сержанта.

Лейтенант Орн стоял перед строем, заложив руки за спину. Он был в полном боевом снаряжении: защитный костюм, разгрузочный жилет, автомат за спиной, тесак на поясе. Его лицо оставалось бесстрастным, но Арис заметил лёгкие тени под глазами. Лейтенант не спал этой ночью. Или спал плохо.

— Тридцать четвёртый взвод, — произнёс он, останавливаясь перед строем. Голос разносился над плацем, отражаясь от бетонных стен. — Боевая задача. По данным разведки, в двадцати километрах к северо-западу от периметра базы зафиксирован стремительно разрастающийся очаг спороносов. Это не просто пара заражённых деревьев, это целая колония. Если не уничтожить очаг сейчас, через месяц заражение охватит огромную площадь и бороться с ним будет гораздо сложнее. Наша задача выдвинуться в заданный квадрат, локализовать очаг, оцепить периметр и выжечь всё дотла. До состояния чёрного пепла. На выполнение задачи командование выделило нам ровно двое суток.

Он сделал паузу, обводя хмурые лица взглядом.

На вышках, по углам периметра, стояли часовые. Их сегодня было больше обычного. Они смотрели вниз, на плац, и их винтовки были направлены не наружу, а внутрь. Арис заметил, как один из часовых провожает взглядом сержантов, застёгивающих ошейники. Палец часового лежал на спусковом крючке.

Орн вдруг коротко выдохнул и заговорил тише, без официального тона.

— Все вы вчера слышали полковника Деклана. Я, как и вы, не в восторге от того, что недообученную группу отправляют на боевое задание без поддержки. Но приказ есть приказ.

Орн посмотрел в глаза Арису, затем перевёл взгляд на Барга, на Лина.

— От себя могу сказать: я приложу все усилия, чтобы мы все вернулись. Когда-то, очень давно, я точно так же стоял на вашем месте. В таком же комбинезоне и с таким же ошейником на шее. Я знаю, что вы чувствуете прямо сейчас. И я знаю, что вы мне не доверяете. Это нормально. Доверие это то, что необходимо заслужить. Но я надеюсь, что эта вылазка всё исправит. Нам придётся стать единым целым, или Зона сожрёт нас поодиночке.

Барг, стоявший рядом с Арисом, наклонился и едва слышно прошептал:

— А лейтенант-то хорош. Смотри, как прикидывается нашим другом. Знает, что теперь от нас зависит его жизнь.

Арис не повернул головы, но уголок его губ дрогнул.

— Возможно. А возможно, лейтенант действительно неплохой человек. Посмотрим.

— Выступаем к пятому выходу, — скомандовал Орн. — Там получите боеприпасы и пайки. Вопросы?

Вопросов не было.

Они двинулись через лагерь. Шли молча, строем, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Серые бетонные коробки, колючая проволока, вышки, всё это стало привычным за дни обучения, но сейчас выглядело чужим, враждебным.

По пути к пятому выходу их провожали взглядами. Солдаты, попадавшие навстречу, останавливались и смотрели на колонну. Кто-то с любопытством, кто-то с брезгливостью, кто-то с холодным равнодушием. Арис поймал взгляд одного из ветеранов — тот сидел на ящике у стены, чистил автомат и смотрел на проходящих рекрутов с выражением, которое Арис слишком хорошо знал. Так смотрят на покойников ещё до боя. На вышках, мимо которых они проходили, часовые особенно внимательно следили за строем. Их пальцы продолжали лежать на спусковых крючках.

Арис понимал: они готовы. Если кто-то из штрафников решит сделать глупость, его положат на месте, без предупреждения. Взрывчатка на шее, это не единственная мера контроля. В лагере были готовы к возможному бунту. Лагерь был готов этот бунт подавить.

У пятого выхода их ждала группа из двадцати пяти бойцов в тяжёлой броне с автоматами на изготовку. Их лица были непроницаемы. Сержант выдал боеприпасы: каждому по четыре магазина, гранаты, химические заряды для огнемётов, сухпаёк, фильтры для масок, реагенты. Арис принял свою долю и убрал в подсумок и вещмешок. Рядом копошился Дойн, его лицо было сосредоточенным. Мик запихивал пайки в вещмешок, бормоча что-то о том, что этой едой даже крысу не накормишь.

Герметичные ворота с шипением разомкнулись. В лицо ударил знакомый запах: сладковатый, приторный, с металлическим привкусом. Запах гниющих лилий и разложения. Запах Зоны. На мгновение Арису показалось, что он чувствует его даже через фильтр.

Они вышли за периметр.

Орн выстроил отряд в походный порядок — такой же, как у Трея два дня назад, но с поправками. Авангард — Лин и Дюн, разведчики. Фланги — Вейл и Нейл. Арьергард — Грот и Торм, щитonosцы. Снайперы Барг и Рэт — чуть позади авангарда, с винтовками наготове. Огнемётчики Флейм и Клин — в центре, под прикрытием линейных стрелков. Арис и Орн шли перед строем автоматчиков. Единственное отличие от построения Трея — дистанция между бойцами была меньше. И идущие по краям держали друг друга в поле зрения постоянно.

— Держимся ближе друг к другу, — объяснил Орн. — У вас не хватает опыта, чтобы разбредаться. Арис, снимай маску, мы с тобой сегодня будем ещё и нюхачами. Обычно он один, но...

— У меня нет опыта, — сказал Арис, снимая маску.

— Главное, старайся ощутить любые изменения в воздухе. Всё, что выбивается из общего фона.

Запах Зоны троекратно ударил в нос Корво. Ему потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть.

Они двинулись через лес. Деревья здесь были всё те же больные, покрытые хитиновыми наростами, с голыми ветвями, тянущимися к серному небу, как скрюченные пальцы. Где-то в вышине, над кронами, медленно плыли желтоватые облака, подсвеченные нездоровым светом.

Арис шёл рядом с Орном. Он ждал, пока отряд отойдёт от лагеря хотя бы на полкилометра, и заговорил:

— Лейтенант. Что случится, если из-за мутантов мы не сможем выполнить задачу?
Орн не обернулся. Он продолжал идти, глядя вперёд, но его плечи едва заметно напряглись.

— Полковник будет очень зол. Я даже боюсь представить, что нас ждёт.

Мик, шедший чуть позади, возмутился:

— Как с нас можно спрашивать, если мы даже не подготовлены к такому?!

— Полковнику всё равно, — ответил Орн. — Для него есть задача, и есть мы для её выполнения. Если мы не справляемся... Бракованные шестерёнки выкидывают.

— А кто-нибудь в лагере не думал, что Деклан мог сойти с ума? — негромко спросил Рейн, шагавший в середине строя. Его голос был спокойным и профессиональным. — В прямом смысле. «Божья слеза» у него уже наверняка давно, мозги могли спечься. Я видел такие случаи. Сперва расширенные зрачки и бессонница. Затем галлюцинации. Затем паранойя. И в конце потеря связи с реальностью.

Орн резко обернулся и посмотрел на Рейна. Его взгляд был холодным, не злым, а предупреждающим.

— Я не слышал подобных слов, — произнёс он медленно. — Потому что если бы слышал, тебя бы четвертовали.

— А если гипотетически предположить, что такое может быть? — спросил Арис, не давая разговору угаснуть.

Орн перевёл взгляд на него. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом лейтенант выдохнул коротко, словно выпуская пар.

— Тогда у нас очень большие проблемы. Если командующий базой недееспособен, следующий по званию обязан отстранить его и доложить в штаб. Но следующий по званию у нас капитан Роз. А она, как вы могли заметить, не из тех, кому интересно руководить, её удел — научная сторона. И даже если она что-то подозревает, то без доказательств она не двинется. А если напишешь бумагу наверх, придет проверка и Деклан окажется в своём уме?... Мой вам совет: не обсуждайте эту тему. Ни со мной. Ни друг с другом. Ни с кем.

Он помолчал и добавил тише:

— Возможно, мы уже все сошли с ума.

Шли в тишине ещё около часа. Лес становился гуще, хитиновые наросты на стволах — толще и чаще. На некоторых деревьях Арис заметил, что хитин был содран и на стволе оставались царапины от когтей падальщиков. Воздух тяжелел. Дышать становилось труднее. Большое количество разных частиц то и дело забивали нос Арису. Он раз за разом смаркивался и чертыхался.

— Скоро привыкнешь, — произнёс Орн. — Через это все проходят. Рано или поздно всем выпадает этот жребий.

— А я думал, нюхач всегда один человек, — удивился Арис.

— Нет. Если был бы один, то он и пары месяцев не протянул. Группа распределяет нагрузку, — ответил лейтенант.

Орн время от времени сверялся с картой, корректируя направление. Его движения были точными, выверенными, видно было, что он знает этот лес. Или, по крайней мере, умеет ориентироваться.

Арис поравнялся с ним и спросил:

— Лейтенант, может, мне тоже стоит знать маршрут?

— Зачем?

— Как заместителю командира, и на случай, если с вами что-нибудь произойдёт.

Орн прищурился. Его глаза сузились, и Арис увидел в них тот же холодный расчёт, что и у Трея, но с оттенком чего-то ещё.

— А что со мной может произойти?

— Нападение монстров. Вас могут ранить или убить. Мне и роте не хотелось бы потом плутать по Зоне.

— Возьмёте карту с моего трупа, — безэмоционально ответил Орн.

— А если от трупа ничего не останется? — тут же парировал бывший капитан.

Орн смотрел на Ариса долго, изучающе. В его глазах читался расчёт — он явно понимал, что Арис не просто так просит карту, но также понимал, что отказ будет выглядеть как недоверие. А недоверие в первом совместном выходе это плохое начало.

Он молча вытащил из планшета сложенную карту и протянул Арису.

— Держи, это запасная.

Рация на поясе Орна ожила. Сквозь помехи пробился голос:

— Тридцать четвёртый, это База. Доложите обстановку.

— База, это Тридцать четвёртый, — ответил Орн. — Движемся согласно маршруту. Отклонений нет. До цели около семнадцати километров.

— Принято. Продолжайте движение. Следующий сеанс связи через два часа.

— Принято.

Рация смолкла. Отряд шёл дальше, и каждый шаг уводил их всё глубже в больной лес. Все это время Арис на ходу изучал карту.

Спустя примерно десять минут марша в гарнитуре командира раздался тихий, напряжённый голос Лина, который вместе с Дюном шёл в авангарде:

— Командир. Впереди движение. На два часа.

Орн мгновенно вскинул руку, сжав кулак. Колонна замерла, как единый организм. Щитосцы опустили тяжёлые ростовые щиты на грунт, стрелки лязгнули затворами, беря сектора на прицел. — Снайперам — занять позиции на флангах в отдалении. Контролировать периметр, — быстро зашептал Орн в микрофон. — Вейл, Нейл — прикрываете их. Корво, за мной. Посмотрим, кого там принесло.

Барг и Рэт скользнули в стороны и исчезли за деревьями, сливаясь с тенями. Их движения были бесшумными: снайперская подготовка и боевой опыт давали о себе знать. Близнецы двинулись следом, занимая позиции в отдалении, готовые прикрыть снайперов в случае атаки.

Арис и Орн вдвоём двинулись вперёд, к позиции Лина и Дюна. Те лежали в неглубокой ложбине за поваленным стволом дерева. Лин молча указал пальцем в сторону густых зарослей серого, похожего на пепел кустарника. Арис выглянул из-за ствола.

Среди деревьев, метрах в пятидесяти, двигалась фигура. Она шла медленно, шатаясь, спотыкаясь о корни и то и дело хватаясь за стволы, чтобы не упасть.

— Приготовиться, — тихо произнёс Орн, вскидывая автомат. — Ждём.

Фигура приближалась. Ещё несколько шагов, и из-за деревьев, споткнувшись о корень, вышел иссохший мужичок в грязных, изодранных лохмотьях. Его лицо было покрыто глубокими морщинами, кожа серая, как пепел, а волосы спутанные, давно не видевшие воды. На ногах обмотки, на плечах драный плащ, когда-то, возможно, бывший военной шинелью. Он разговаривал сам с собой, шевеля губами и временами встряхивая головой, словно отгоняя невидимых мух.

— Стоять! — рявкнул Орн.

Мужичок вздрогнул, поднял голову и замер. Его глаза расширились; заметив направленные на него стволы, он вскинул руки вверх. Его голос сорвался на крик:

— Не стреляйте! Не стреляйте! Я не мутант! Я человек! Не стреляйте!

— Не двигаться! — скомандовал Орн. — Дюн, подойди ближе. Посмотри, есть ли зрачки. Только осторожно.

Дюн, сглотив ком в горле, медленно поднялся из-за укрытия и, держа мужичка на прицеле автомата, начал подходить ближе. Арис, прищурившись, внимательно наблюдал за бродягой. Даже с такого расстояния капитан заметил одну тревожную деталь: белки глаз мужичка

были болезненно-жёлтого, воспалённого цвета, как у человека, страдающего тяжелейшей формой желтухи. Зона уже пустила в него свои корни. Дюн приблизился к мужичку на пару метров, всмотрелся в его лицо. Мужичок дрожал, его руки тряслись, но он не двигался.

— Зрачки есть, — доложил Дюн. — Жёлтые глаза, но зрачки на месте.

Орн выдохнул и чуть опустил ствол.

— Опустит руки, — приказал он мужичку. — Медленно. Кто ты и что здесь делаешь?

Мужичок медленно опустил руки. Его плечи дрожали, а глаза бегали от одного солдата к другому, словно он не мог поверить, что его ещё не застрелили.

— Бром, — произнёс он. — Меня звать Бромом. Я... я сбежал из Осиного. Пробираюсь в Империю. Третий день иду.

Орн нахмурился.

— Раб, — произнёс он. — Ты же знаешь, что мы не можем тебя пропустить? Согласно договорам, рабы не могут покидать Ничейную Землю. Их следует возвращать хозяевам.

Лицо Брома исказилось. Он упал на колени и протянул руки к Орну. Его голос сорвался на хрип:

— Умоляю! Они меня там заживо сгноят в шахтах! Они с меня кожу живьём снимут! Сжальтесь! У вас же оружие, вы солдаты, вы можете просто отвернуться! Скажите, что не видели меня! Я исчезну, как тень, клянусь богами!

Орн покачал головой. Его лицо оставалось бесстрастным, но голос прозвучал тише, чем обычно:

— Не могу. Таковы правила. Если я тебя пропущу, меня самого поставят к стенке. А ты вернёшься к хозяевам. Или умрёшь здесь. Третьего не дано.

Что-то в лице Брома изменилось. Отчаяние, плескавшееся в его глазах, сменилось пустотой. Глаза остекленели, плечи опустились. Он медленно поднялся с колен, и его рука скользнула за пазуху. Арис заметил это движение и напрягся, но Орн уже держал автомат наготове.

— Тогда... — прошептал Бром.

В его руке блеснула заточка — грубый кусок металла, заточенный до остроты бритвы, сделанный из обломка чего-то, обточенного о камни.

— ...тогда хоть так.

Он бросился вперёд не на Орна, не на Ариса, а просто вперёд, выставив заточку перед собой. Его лицо исказилось, но в этом искажении не было ярости, только отчаяние. Последний жест человека, не желающего становиться монстром или быть рабом.

Орн выстрелил.

Пуля вошла Брому точно в лоб. Звук выстрела разнёсся по лесу, отражаясь от хитиновых стволов. Мужичок замер на полушаге, заточка выпала из его пальцев и воткнулась в землю, а сам он рухнул лицом вниз. Кровь растеклась по серым волосам, впитываясь в почву.

Тишина. Только ветер шелестел хитиновыми наростами на ветках, и где-то вдалеке снова застонал Мёртвый Бог, низко, утробно, словно оплакивая ещё одну смерть.

Дюн, всё ещё стоявший в нескольких шагах, обернулся к Орну. Его лицо было бледным, а руки, сжимавшие автомат, слегка дрожали.

— Что это было? — спросил он. — Зачем он?..

— Обычное дело, — ответил Орн, опуская автомат. — Рабы, поняв, что здесь им не помогут, решают самоубиться за счёт Санитарного Корпуса. Бросаются на солдат с чем попало: заточкой, камнем, палкой. Мы для них — единственный способ умереть быстро и без боли.

Лин, подошедший ближе, спросил:

— Но если все знают про договор, почему они пытаются?

— Среди рабов ходят байки, что кому-то удалось, — ответил Орн. — Что кто-то прошёл. Что кто-то выжил и добрался до Империи, и теперь живёт свободным. Это почти всегда ложь.

Но они верят. И в любом случае всегда находятся те, кто пытается счастье. — Он посмотрел на тело Брома.

Арис незаметно коснулся ошейника на своей шее. Холодный металл.

Он переглянулся с Лином. Парнишка смотрел на тело Брома призрачными глазами. Потом Арис перевёл взгляд на Дюна. Браконьер стоял молча, и его лицо было таким же каменным, как у Барга. Но в глазах горело что-то новое. Что-то, похожее на решимость.

— Продолжаем движение, — скомандовал Орн. — До цели ещё далеко. И помните: в Зоне нельзя задерживаться на одном месте слишком долго.

Отряд двинулся дальше, оставив лежать тело Брома. Никто не оглянулся. Но каждый, проходя мимо, на мгновение задерживал взгляд на убитом рабе. И каждый думал о своём.

Арис шагал в строю и чувствовал, как ошейник холодит кожу. Пора приводить план в действие.

Глава 8

Отряд двинулся дальше. Лес вокруг них сгущался, превращаясь в непроницаемую стену из серой коры и скрюченных, поросших хитиновыми наростами ветвей. Их поверхность, напоминающая пчелиные соты, тускло мерцала в рассеянном свете серного неба. Из трещин в коре сочилась мутная, желтоватая жидкость, медленно капавшая на землю, и там, где капли падали, не росло ничего только серый, мёртвый мох.

Колонна растянулась. Впереди, метрах в пятидесяти, скользили разведчики Лин и Дюн. Их силуэты то появлялись, то исчезали за больными стволами. На флангах держались близнецы Вейл и Нейл, чьи движения были синхронными, почти зеркальными. В центре, под прикрытием линейных стрелков, шли Флейм и Клин, тащившие тяжёлые ранцы с горючей смесью. Замыкали строй щитоносцы Грот и Торм, прикрывавшие тыл.

Орн поднёс рацию к губам. Его голос был спокойным и деловым:

— База, это Тридцать четвёртый. Движемся согласно маршруту. Отклонений нет. До цели — около десяти километров.

— Принято. Продолжайте движение.

— Принято.

Рация смолкла. Арис выждал паузу и, поравнявшись с Орном, негромко произнёс:

— Лейтенант, предлагаю устроить привал в ближайшие полчаса - час. Люди устали. Им нужно перевести дух перед задачей. А впереди, судя по карте, местность станет сложнее. Дадим людям возможность отдохнуть, проверить подсумки и сменить фильтры.

Орн посмотрел на колонну. Лица рекрутов были уставшими, но не измотанными. Он кивнул.

— Хорошо. Через полчаса. Как найдём подходящее место.

Арис поднёс к губам свою рацию.

— Разведка, это Арис. Скоро привал. Готовьтесь.

— Принято, — отозвался Лин. Его голос звучал сосредоточенно.

— Принято, — эхом ответил Дюн.

Следующие пять минут прошли в тишине.

И тут рация ожила снова. Голос Дюна, быстрый, напряжённый:

— Командир! Движение! На десять часов! Дистанция около ста метров!

Арис замер. Орн вскинул руку, и колонна остановилась. Прошло пять секунд и рация ожила снова. Голос Лина, тихий, но отчётливый:

— Подтверждаю. Это Пехота. Четыре цели. Идут в нашу сторону.

Орн замер на полушаге. Его лицо изменилось мгновенно. Расслабленное выражение сменилось холодной, расчётливой сосредоточенностью. Он не колебался ни секунды.

— Рота! Защитное построение! Живо!

Колонна пришла в движение. Щитоносцы Грот и Торм выдвинулись вперёд, опуская тяжёлые ростовые щиты на землю. Металлические кромки вонзились в хитиновую крошку с глухим скрежетом. Стрелки рассыпались в цепь, занимая позиции за щитами, лязгая затворами и беря сектора на прицел. Снайперы Барг и Рэт отступили на фланги, ища укрытия за толстыми стволами. Огнемётчики Флейм и Клин встали позади, готовые занять позиции и открыть огонь. Их руки лежали на клапанах подачи смеси.

Отряд сжался вокруг Орна подковой. Справа от лейтенанта встал Стриж, слева — Арис. К группе присоединились разведчики: Лин и Дюн подбежали, тяжело дыша. Их лица были бледными, но спокойными.

— Докладывайте, — приказал Орн.

— Четверо, — выпалил Дюн, переводя дыхание. — Похожи на тех, что напали в прошлый раз. До них метров восемьдесят, может, меньше.

— Четверо, — подтвердил Лин. Его голос был тихим, но твёрдым. — Идут на нас. Дистанция сокращается. Они знают, что мы здесь.

Орн кивнул. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Разведка — прикрывать тыл. Если они заходят с флангов, докладывать немедленно.

Лин и Дюн скользнули назад, исчезая за деревьями. Арис повернулся к Орну:

— Что будем делать?

— Нужно начинать потихоньку двигаться, — ответил Орн, не отрывая взгляда от леса.

— Уходим вправо, обходим их. Если повезёт, пройдем мимо.

— Не согласен, — произнёс Арис. — Сначала нужно понять, где именно Пехота. Если мы двинемся вслепую, можем снова попасть в засаду. Как два дня назад.

Орн перевёл взгляд на него. Он явно понимал, что слова Ариса имеют смысл.

— Нужно доложить на базу, — сказал он, потянувшись к рации.

— Подожди, — остановил его Арис. — Может, не стоит поднимать шум раньше времени? Вдруг они пройдут мимо, и мы не столкнёмся?

— Нет, — Орн покачал головой. — Докладить нужно в любом случае. Если мы не столкнёмся, с Пехотой могут столкнуться другие. Патрули, конвои. Они должны быть предупреждены.

Всё это время Орн внимательно разглядывал лес и время от времени поглядывал на Ариса. Его рука лежала на рации, но он не включал её. Арис видел, как лейтенант колеблется.

— Вдруг Лину и Дюну померещилось? — произнёс Арис.

Стриж, стоявший вне поля зрения Орна, едва заметно кивнул Арису. Бывший капитан коротко скомандовал:

— Давай.

Барг ударил прикладом в затылок Орна.

Мощный удар прикладом винтовки пришёлся точно в затылок. Орн покачнувшись, из горла вырвался сдавленный хрип. Он не потерял сознание, но повалился на колени. В отчаянном рывке, инстинктивно пытаясь спасти ситуацию, лейтенант потянулся к своему подмышку, где секунду назад покоился детонатор. Его пальцы судорожно скребли по ткани и нащупывали лишь пустоту.

Глаза Орна расширились. Он понял.

На него навалились сразу трое: Клин обхватил туловище, Торм прижал плечи к земле, Барг заломил руки за спину. Обездвижили за секунды. Орн захрипел, пытаясь вырваться, но силы были неравны — трое против одного, и один из троих был Тормом.

— Ты был прав, — произнёс Барг, обращаясь к Арису. — Хорошо, что мы сначала украли детонатор. Он мог успеть нажать. Вот чёрт... он действительно потянулся к сумке.

Он кивнул в сторону Орна, которого связывали, отбирали рацию, автомат, тесак, нож — всё, вплоть до фляги и подсумков с патронами. Оружие и снаряжение лейтенанта сложили отдельной кучей, подальше от него.

— Разведка! Рассредоточиться, наблюдать за периметром. Докладывать о любом движении.

Лин и Дюн скользнули в стороны, исчезая за деревьями, словно призраки. Близнецы Вейл и Нейл заняли позиции на флангах, их движения были синхронными, как на тренировках.

Арис повернулся к связанному Орну. Тот лежал на земле, слегка побитый и помятый, но уже приходящий в себя. Его глаза были открыты, и в них читалось нечто среднее между яростью и холодным, расчётливым пониманием.

— Посадите его, — приказал Арис.

Торм рывком поднял Орна и усадил, привалив спиной к стволу больного дерева. Хитиновые наросты на коре захрустели под тяжестью тела. Арис взял флягу лейтенанта, отвинтил крышку и поднёс к его губам. Орн сделал несколько глотков, закашлялся, но взгляд его стал более осмысленным. В уголке рта лейтенанта запеклась кровь от удара о землю.

Арис присел перед ним на корточки. Его лицо было спокойным, голос — ровным. Таким голосом он когда-то допрашивал пленных на Северном Фронтире.

— Лейтенант. Я предлагаю Вам ответить на мои вопросы. После этого мы разойдёмся в разные стороны.

Орн посмотрел на него долгим взглядом.

— Пехоты не было? — спросил лейтенант.

— Не было, — ответил Арис.

Орн замолчал, лишь сплюнул на землю кровавую слюну.

— Первый вопрос, — продолжил Арис. — Как снять ошейники?

Орн молчал несколько секунд. Потом его губы дрогнули в слабой, горькой усмешке.

— В Зоне — никак.

— Почему?

— Потому что мастер-ключ есть только на базе. Никто не берёт его в Зону. Слишком большой риск.

Арис кивнул, словно ожидал такого ответа.

— Ожидаемо.

— Да врёт он! — выкрикнул Мик, подходя ближе. Его лицо было красным, на лбу вздулась вена. — Обшмонать его надо! Наверняка где-то запрятал!

— Обшмонать действительно нужно, — согласился Барг, подходя с другой стороны. Его голос был спокойным, но в глазах горел холодный огонёк. — Но ключа, скорее всего, мы действительно не найдём.

Арис кивнул Торму. Гигант рывком поднял Орна на ноги и держал, пока остальные тщательно обыскивали его — методично, проверяя каждый шов, каждый карман, каждый подсумок. Они прощупали подкладку разгрузочного жилета, проверили голенища ботинок, даже швы на брюках. Ключа не было.

— Сади, — скомандовал Арис.

Торм снова усадил Орна на землю. Лейтенант сидел, привалившись к стволу, и смотрел на них снизу вверх. Его лицо ничего не выражало.

Арис повернулся к Флейму:

— Можешь что-нибудь сделать?

Подрывник покачал головой. Его лицо, искажённое старым ожогом, было мрачным, а голос — хриплым.

— С такими штуками не встречался. — Он указал на ошейник. — Могу попробовать. Снять кожух, посмотреть, как устроен заряд. Но гарантий никаких. Если там стоит датчик вскрытия — рванёт сразу. Если ошибусь — рванёт. Ты этого хочешь?

— Понял, — коротко ответил Арис и снова повернулся к Орну. — Тогда следующий вопрос. Правильно ли я понимаю, что ближайшее поселение в Ничейных Землях — это город Ур, как указано на карте?

Орн посмотрел на него. Его глаза были уже не такими затуманенными, видимо, он начал полностью соображать, что происходит.

— Да. Ур. Но там вам не помогут.

— Почему?

— Ты помнишь про договор? Про возврат бежавших рабов? — Орн сделал паузу. — Так вот: он работает в обе стороны. Вам не успели этого рассказать, потому что обучение не закончено. Об этом рассказывают на второй неделе. Но абсолютно все в Ничейных Землях

знают: за каждого беглого санитаря полагается награда. Огромная награда. Поэтому никакой помощи от местных вы не получите.

— Врёт! — снова выкрикнул Мик, но на этот раз его голос звучал менее уверенно. — Он сочинил это!

— Можете не верить, — произнёс Орн ровно. — Но это правда. Как только в любом поселении увидят ваши ошейники, на вас начнётся охота. Местные жители, охотники за головами, городская стража — все. За каждого беглого санитаря дают столько, что можно год не работать. А времени у вас максимум двое с половиной суток. Потом заряд активируется в любом случае. Мой детонатор-то вы украли, но на базе он остался.

Арис повернулся к Баргу:

— Что думаешь?

Барг помолчал, глядя на Орна. Его лицо было непроницаемым. Потом он кивнул.

— Думаю, он не врёт. За время существования Санитарного Корпуса мы вряд ли первые беглецы. Руководители наверняка придумали, как избежать таких ситуаций. А награда за голову это самый простой. Дёшево и сердито.

— Есть другой вариант, — добавил Орн. — Вас могут не убить. Вас могут сделать рабами. А во что превращаются рабы, вы сегодня уже видели. Бром был рабом. И он предпочёл смерть.

Арис вспомнил Брома. Вспомнил его жёлтые глаза, его заточку, его последний бросок — не на солдат, а просто вперёд, в смерть. Вспомнил, как тот кричал: «Они с меня кожу живём снимут!» И как через минуту упал с пулей во лбу.

Орн продолжал:

— Я был на вашем месте. Среди наших, среди других пополнений, всегда находились «умники», решившие, что лучше сбежать. Никому не удалось. Ни разу.

Он замолчал. Арис кивнул Торму. Гигант вставил Орну в рот кляп и отволол его в сторону, подальше от основной группы. Арис жестом подозвал всех остальных в круг. Они собрались вокруг него: уставшие и злые. Мик нервно проводил языком по новым зубам. Лин стоял, сжимая автомат пальцами. Дойн растирал затёкшее колено. Рейн, бывший лекарь, смотрел на Ариса с тревогой. Барг стоял, скрестив руки, и ждал.

— Обсуждаем, — произнёс Арис негромко.

— Что тут обсуждать?! — взорвался Мик. — Это всё ерунда! Нам нужно двигаться к городу! Там разберёмся! Может, награда и не такая уж большая! Может, он врал!

— Если так хочешь — иди, — холодно произнёс Рейн. — Мы тебя держать не будем. Но я лично предпочту поверить лейтенанту и не проверять на своей шкуре, какая там награда.

— Лейтенант говорит весьма правдиво, — пробасил Торм. Молчаливый гигант редко подавал голос, и когда он заговорил, все повернулись к нему. — Слишком много деталей. Скорее всего, он говорит правду.

Лин, стоявший с краю, поднял голову. Его голос был тихим, почти шёпотом:

— Если это правда — что нам тогда делать? Мы не можем вернуться. Мы не можем уйти. Мы не можем остаться здесь. Что нам делать?

— Договориться с лейтенантом, — предложил Дойн. — Сказать, что произошла ошибка. Что мы не хотели... Он говорил на плацу про доверие и что он был таким же, как мы. Может, он поймёт.

— Через полтора часа нужно будет отчитаться в лагерь, — напомнил Рэт. Он постучал пальцем по своему ошейнику. — Или эти штуки сдетонируют. И кто будет отчитываться? Что скажем?

— Можно прикончить его, — произнёс Барг. Его голос прозвучал буднично, словно он предлагал выбросить что-то ненужное. — И доложить, что на нас напали. Что Орн мёртв. Погиб в бою.

— Тогда нужно найти какого-нибудь монстра, — ответил Арис. — Чтобы инсценировать нападение. Иначе в лагере поймут по характеру ранений, что лейтенанта убил не мутант. Пулевое ранение от автомата и удар прикладом в затылок — это не то, что оставляют местные мутанты.

— Это вопрос решаемый, — кивнул Барг. — Тут главное — найти подходящую тварь. Падальщика, например. Или Рабочего. Они рвут плоть. Если повезёт, можно списать на них.

— А ты думаешь, нам не взорвут бошки, как узнают, что Орн мёртв? — обратился Барг к Арису.

— Сразу нет. Но перед возвращением нужно будет подготовиться, — ответил бывший капитан.

Арис помолчал. Его взгляд скользнул по уставшим лицам бойцов, напряжённым, испуганным. Они ждали его решения. Он был их негласным командиром, а теперь, после того как Орн связан, — единственным командиром. И каждое его слово могло стоить им жизни.

— Вероятность, что Орн говорит правду, слишком высока, — произнёс он наконец. — Предлагаю переговорить с ним ещё раз.

Он отвёл Барга в сторону, подальше от основной группы. Их разговор был коротким. Несколько фраз, которых никто не слышал. Затем оба вернулись к связанному Орну. Арис вытащил кляп изо рта лейтенанта.

— Лейтенант. Вы цените свою жизнь?

Орн посмотрел на него. Его глаза были спокойными, но в глубине их что-то дрогнуло. Он понимал, что это не праздный вопрос.

— Да, — ответил он. — Ценю.

— Тогда я предлагаю расценить данный эпизод как недоразумение. Мы делаем вид, что ничего не было. Вы делаете вид, что ничего не было. Вы ведёте нас дальше по маршруту, мы выполняем задачу. Сотрудничество. Вы согласны?

— Да, — ответил Орн почти мгновенно. — Я согласен. Я не буду докладывать. Я сделаю вид, что инцидента не было. Продолжим задачу.

Арис нахмурился. Он помолчал несколько секунд, глядя в глаза Орна. В лесу было тихо. Только ветер шелестел хитиновыми наростами на ветках.

— Это был неправильный ответ, — произнёс Арис.

Барг, стоявший за спиной Орна, накинул ему на голову плотный пакет и затянул его на горле. Движение было быстрым, отработанным, беспощадным. Орн забился, захрипел. Ноги лейтенанта заскребли по земле. Его тело выгнулось дугой, мышцы на шее вздулись, но пакет держал крепко.

— Что вы делаете?! — крикнул Лин, бросаясь вперёд. Его лицо было белым как мел. — Вы же говорили о сотрудничестве! Вы же...

Дойн и Клин так же шагнули вперёд.

— Стоять! — рявкнул Арис.

Дойн, Клин и Лин замерли. Их лица выражали ужас и непонимание. Лин смотрел на бывшего в конвульсиях Орна, и его глаза расширились всё больше.

— Он собирался сдать нас при первой возможности, — произнёс Арис холодно, и его голос перекрыл хрипы умирающего лейтенанта. — Он согласился слишком быстро. И первым делом упомянул, что не будет докладывать. Человек, которого только что избili и связали, не соглашается на сотрудничество через секунду. Если только он не планирует предать при первом же удобном случае. Он бы сдал нас, как только представился бы шанс. Может, не сразу. Может, после возвращения на базу. Но он бы сдал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.